

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 2 • январь • 1986

«...Он не может иначе поступать как живое существо жизни лишить. Одним словом, обязывается учинить злодейство, разбой... Стонет весь лес при его появлении: «Проклятый волк! убийца! душегуб!» И бежит он вперед да вперед, голову повернуть не смеет, а вдогонку ему: «Разбойник! живорез!»

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Бедный волк».

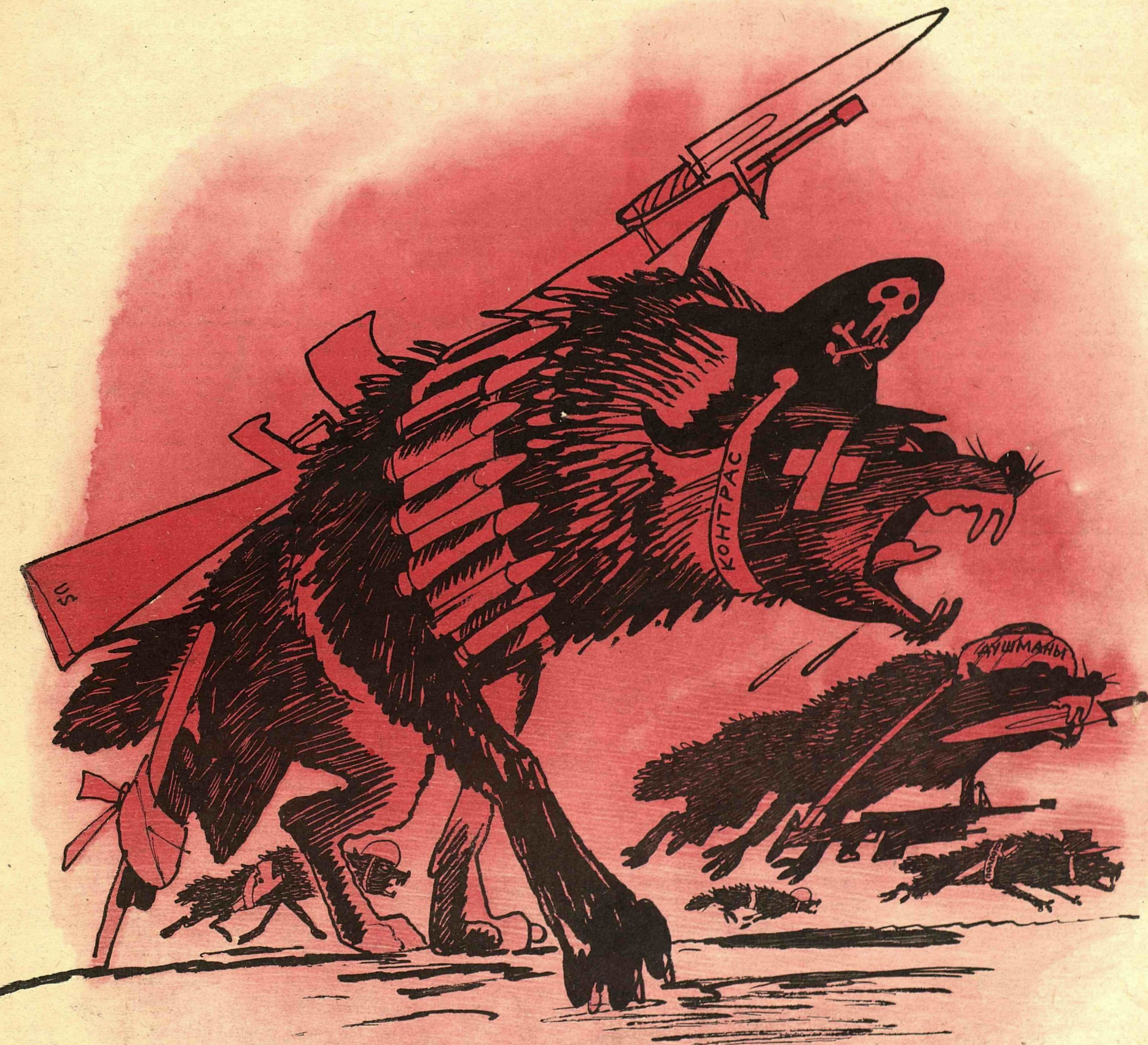

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

Другие материалы, посвященные 160-летию со дня рождения великого сатирика, см. на стр. 8, 9, 10, 11, 15.

ЧИТАТЕЛЬ, ВНИМАНИЕ!
Перед тобой — специальные крокодильские

ОКНА ГОСТА

Консультант — начальник управления государственного надзора и территориальных органов Государственного комитета СССР по стандартам В. Я. БЕЛОБРАГИН.

Право открыть очередную экспозицию Крокодил предоставляет заместителю начальника управления Госстандарта В. И. САШНИКОВУ.

В ЗАЩИТУ «СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ»

Трудоспособный человек больше двадцати процентов своей жизни проводит на работе. Так что качество рабочей одежды ничуть не менее важно, чем качество повседневных костюмов, одежды для спорта и отдыха, праздничных нарядов или, скажем, пижамы для сна. А если к этому добавить, что надежная спецодежда бережет здоровье людей, что в удобном халате человеку лучше работает, что красивый комбинезон повышает престиж профессии и все это вместе благотворно влияет на производительность труда, то вопрос, как мы одеты и обуты на работе, становится вопросом большой социальной значимости.

Более двух лет назад Совмин СССР и ВЦСПС приняли постановление «О мерах по дальнейшему улучшению обеспечения трудящихся специальной одеждой, специальной обувью и другими средствами индивидуальной защиты», на основе которого начала реализовываться комплексная система стандартизации «Спецодежда». Однако проверки, произведенные нами недавно на 87 предприятиях страны, показали, что качество рабочей одежды остается крайне низким. А некоторые предприятия откровенно гонят стопроцентный брак.

Так что «индивидуальные средства защиты» сами нуждаются в защите от злостных халтурщиков. Это мы и намереваемся показать вам, уважаемый читатель, в сегодняшних Окнах ГОСТа.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

НЕЛАДНО СКРОЕН, НЕКРЕПКО

В давние-давние времена, когда в магазинах еще висели объявления «Гражданам в спецодежде винно-водочные изделия не отпускаются», в городе Ярославле произошел такой эпизод.

Среди белого рабочего дня к прилавку винного отдела подошел человек в немислимо грязной куртке и протянул продавщице чек. Та, не моргнув, вручила ему бутылку.

— Почему вы продали водку гражданину в спецодежде? — спросили корреспонденты Крокодила, случайно оказавшиеся рядом.

— А откуда я знаю, что это спецодежда? — лениво отозвалась продавщица. — Может, он всегда в такой рванине ходит!

— Да ведь ясно же, что он вышел из проходной вон того завода, напротив!

— У него на лбу не написано, с завода он, со стройки или еще откуда. Что ж, мне у каждого грязного документа требовать?..

Корреспондентов, что называется, умыли. Действительно, испачканная куртка совсем не свидетельствует о принадлежности к рабочему классу. И на лбу писать, где и кем человек работает, конечно же, тоже не стоит. Но почему бы не снабжать рабочую одежду эмблемой предприятия и фамилией трудящегося? Вроде как у хоккеистов или бойцов студенческих отрядов. Сразу бы было видно, кто честно вкалывает, кто болтается и покуривает, а кто побегал за бутылкой.

Однако, если дело ограничивалось бы только этим, о спецодежде не стоило бы столько говорить, и государству было бы не резон тратить на нее ежегодно 2,7 миллиарда рублей. Вопрос с трудовой дисциплиной решается другими способами.

Но, скажите, может ли нормально работать нефтяник, если, заступая на смену, он облачается в спецкостюм, рожденный Бакинским швейным объединением имени Али Байрамова? Да в этом герметическом костюмчике он взмокнет как мышь через пять минут! Бакинские швейники, казалось бы, должны знать условия труда бакинских нефтяников, а вот, поди ж ты, забыли сделать на рукавах отверстия для вентиляции, строго предусмотренные ГОСТом, и настрочили таких негодных костюмов сразу тридцать тысяч штук. Подумаешь, какие-то дырочки! Подумаешь, ГОСТ! Подумаешь, качество! Даешь отчетную цифру!..

Но с цифирью дело обернулось плачевно. Бдительный Госстандарт забраковал все костюмы до единого, реализация их была запрещена, из блестящих отчетов объединения было исключено продукции на полмиллиона рублей. Все логично: предприятие скалтурило — предприятие наказано. Но почему, спрашивается, должны страдать нефтяники, по

сей день не имеющие необходимой спецодежды?

ВОПРОСЫ КРОКОДИЛА МИНЛЕГПРОМУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР:

1. Кто персонально виновен в выпуске партии недоброкачественных костюмов для нефтяников?

2. Какое он лично понес наказание?

3. Что сделано для исправления создавшегося положения?

Предвидим радужный ответ: виновен такой-то, ему указано, на упомянутых костюмах пробиты упомянутые дырочки. Что ж, дырочки, и верно, можно сделать, что называется, задним числом. Но почему же не сразу? Почему лишь после того, как по бракоделам ударили рублем? Вернее, полумиллионом рублей?

Интересно знать, как станут выкручиваться другие халтурщики, чья продукция тоже была признана стопроцентным браком? Подлежит ли, например, перекройке кособокий комбинезон варенской пухо-перовой фабрики «Мяркис»? Можно ли облагородить халаты кретинской «Акмяны» или укмергского «Шиласа»? Едва ли. Этими фабриками израсходованы горы материалов, потрачена уйма труда, а нужной спецодежды не получит ни токарь, ни слесарь, ни сельский механизатор, ни хлебороб.

ВОПРОСЫ КРОКОДИЛА МИНМЕСТПРОМУ ЛИТОВСКОЙ ССР:

1. На чей счет отнесены убытки в связи с браком, выявленным Госстандартом на этих предприятиях?

2. Что намерен предпринять Минместпром республики для коренного улучшения качества выпускаемой рабочей одежды?

Мрачные халаты черного и грязно-серого цвета, перекошенные комбинезоны с короткими клоунскими штанинами, утепленные куртки, прошибаемые даже легким ветерком из-за неравномерно разложенной ваты, спецовки для рабочих горячих цехов, лишенные специальной обработки и потому прогорающие от первой же искры, одежда для трудящихся химической промышленности, совершенно не терпящая контакта с кислотами и щелочами...

Нет, сколько ни множь этот перечень, все же не будет полного представления, как одет у нас Рабочий Человек, если не сказать еще об одной детали его гардероба. На казенном

арго эта деталь именуется индивидуальным средством защиты рук. А по-человечески — рукавицы или перчатки.

Обидно признавать, но в наш век повальной механизации и автоматизации доля ручного труда все еще так велика, что проблема защиты рук стоит сейчас почти так же остро, как и сотню лет назад. Технический прогресс велик, должен быть и будет еще больше. Пока же далеко не всюду люди в белых крахмальных халатах поигрывают на клавиатурах АСУ. Сегодня умелые руки еще делают черную работу.

Так вот, с защитой этих самых умелых рук дело обстоит из рук вон. Шьется «средств защиты» великое множество — 500 миллионов пар в год, из коих чуть не половина — тканевых. Казалось бы, вполне достаточно. Но беда в том, что из-за скверного качества тканей каждая пара служит рабочему всего неделю вместо положенного месяца. Да и шьются эти рукавицы из разреженных тканей, порой из бязи, а порой даже из марли!

Конечно же, марлевые рукавицы не способны защитить ничьих рук, кроме, пожалуй, рук чиновников Минлегпрома, которые прекрасно знают эту беду, но за последние годы не смогли предложить ни одного вида ткани, защищающей от проколов и порезов, от кислот, от искр и брызг расплавленного металла.

Когда заходит речь об ассортименте и качестве спецодежды, ответственные товарищи из Минлегпрома СССР, призванного руководить этим делом, стараются спихнуть ответственность на чужие плечи. И Комитет по науке и технике ставит им палки в колеса, и Минхимпром недодаст фениловую нить, хромолан, аламин и препарат «Пироватекс», и Минлегищемаш тянет с разработкой специального швейного оборудования... Словом, все кругом плохие, один Минлегпром хороший. Это он ночей не спит, ломая голову над «колористическим оформлением» спецодежды, над ее «цветовой гаммой», когда «формирует коллекцию».

Слова и выражения тут находят такие пышные, словно речь идет о выставочных работах нашего знаменитого модельера Вячеслава Зайцева. На деле же предприятия Минлегпрома и других министерств под эгидой того же Минлегпрома продолжают массовым тиражом выпускать неладно скроенную и некрепко сшитую спецодежду, в которой неудобно работать, которую стыдно надеть!

ВОПРОС КРОКОДИЛА МИНЛЕГПРОМУ СССР:

Когда будет выполнено постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 1 марта 1983 года, и когда

Нам от этой поговорки тошно,
Нам изрядно она надоела.
«По одежке протягивай ножки!» —
Это вечный призыв бракодела.

Рисунки В. ДМИТРИКА.

Рыцарь выживет едва ли,
На спасенье нет надежды:
Он от первого удара
Сразу с лошади упал.
Видно, браком торговали
В магазине спецодежды,
Где бедняга для турнира
Эти латы покупал.

СШУТ

трудолюбивые получают необходимое количество добротной и красивой спецодежды?

ВАШЕ МНЕНИЕ?

— поинтересовался Крокодил у рабочих разных специальностей.

СИДОРЕНКО Г. Д.—слесарь (г. Харьков):

— Работаю в своем, в ковбойке и джинсах. В пятницу отношу домой, жена стирает. На заводе выдали халат—рукава едва до локтей доходят...

НИКОНОВ А. А.—строитель (Московская область):

— Спецодежда? А с чем ее едят? Каски нам дают. Так без них по технике безопасности не положено. А больше—ни-ни! Донашиваю на работе то, что в жизни уже носить нельзя...

ХИТРУК Л. Н.—тракторист (Омская область):

— Да на кой мне тот комбинезон? Он ровно из дерева—не согнешься, не разогнешься. Я раз из-под трактора вылезти не мог. Спасибо, друзья вытащили...

МИШАТКИНА С. Ф.—работник ОТК (г. Куйбышев):

— Разве молодая женщина может надеть такой страшный халат? Ну хотя бы он синий или голубой был, а то ведь грязный какой-то! Что плохо пошит, нам, женщинам, обижаться не приходится. Он же не из Дома моделей. Конечно, каждая подгоняет по себе. Кому охота пугалом на работе быть...

ЗНАКОМЬТЕСЬ "ПЕРЕДОВИКИ"

Ввиду того, что на многих предприятиях, производящих спецодежду, территориальные органы Госстандарта выявили **СТОПРОЦЕНТНЫЙ БРАК**, Крокодил на этот раз не распределяет места, а просто перечисляет «передовиков»:

АЧИНСКАЯ ШВЕЙНАЯ ФАБРИКА (Красноярский край)—забраковано 100% костюмов для защиты от низких температур.

ЛЕТИЧЕВСКАЯ ШВЕЙНАЯ ФАБРИКА **ХМЕЛЬНИЦКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СПЕЦОДЕЖДА»**—забраковано 100% костюмов общего назначения.

АЛАВЕРДСКОЕ ШВЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ—забраковано 100% утепленной спецодежды и халатов.

РАССКАЗОВСКАЯ СУКОННАЯ ФАБРИКА (Тамбовская область)—забраковано 100% ткани для спецодежды.

**ЧИТАТЕЛЬ! ТРУЖЕНИК!
СОБЛЮДАЙ
ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ
ПРИ ВСТРЕЧЕ
СО СПЕЦОДЕЖДОЙ
ЭТИХ ПРЕДПРИЯТИЙ!
СЕМЬ РАЗ ПРИМЕРЬ,
ОДИН—НАДЕНЬ!..**

НАШИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА НА КВАРТАЛ

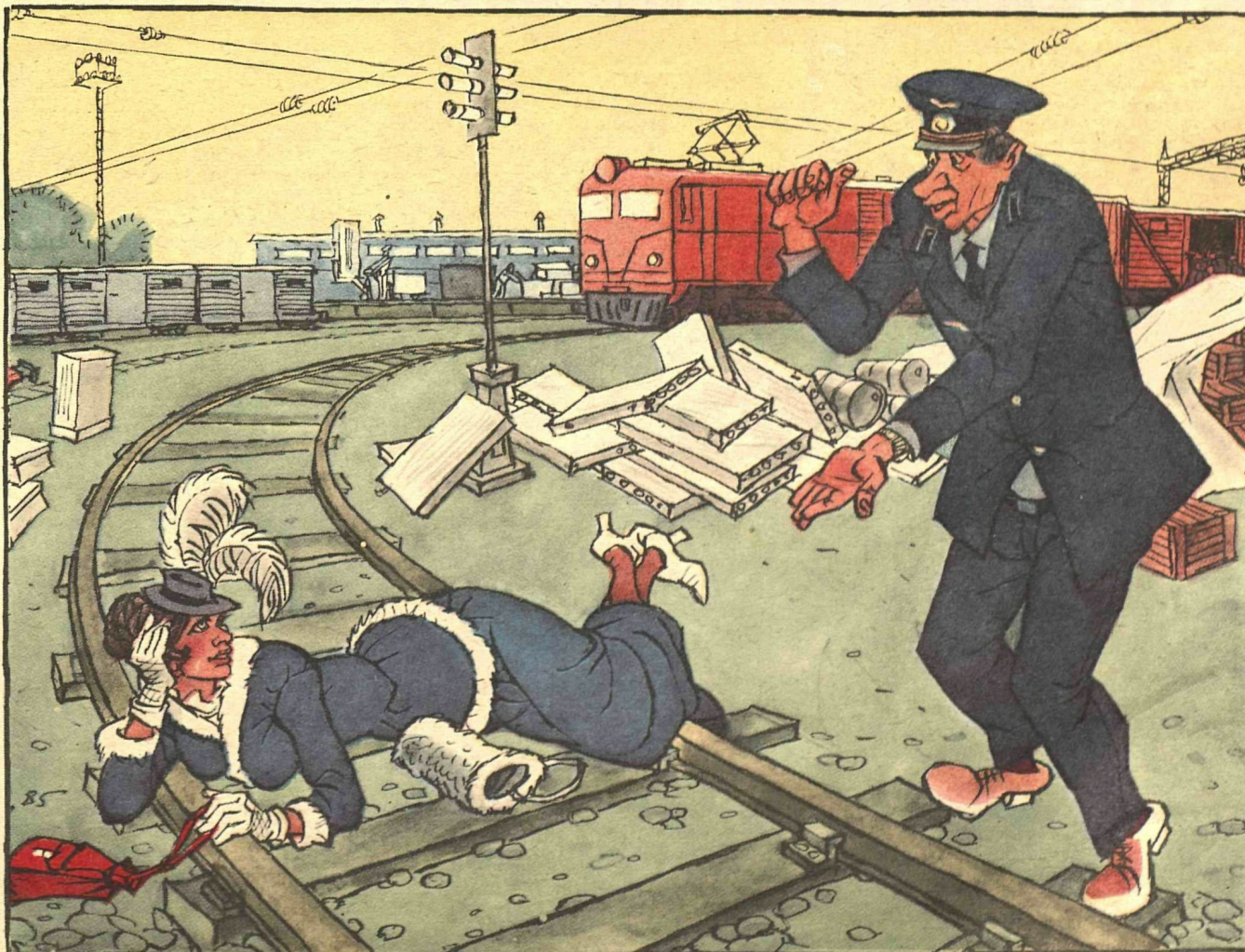
— Я тебе тут записал: обязуешься убрать мусора в два раза больше по сравнению с прошлым годом.

Рисунок
И. НОВИКОВА.

АННА КАРЕНИНА-86

— Извините, уважаемая, вы рано улеглись. Пока его еще разгрузят...

Рисунок
Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

— Наше счастье постоянно: жуй кокосы, ешь бананы...

Рисунок В. ГИНУКОВА.

В. ВИТАЛЬЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

До отправления поезда Пенза — Москва оставались считанные минуты. Я сидел в купе и просматривал блокнот с выписками из одного уголовного дела, любезно предоставленного Пензенским областным судом.

Дверь купе с визгом отъехала в сторону. Вошли трое. Вернее, вошли двое, а третьего они почти что несли, заботливо подхватив под локотки. Бережно усадив свою ношу на нижнюю полку, двое принялись доставать из сумок пакеты и свертки, заставив ими вскорости весь столик.

— Это вам на дорожку! — хихикая, сообщили они третьему. Из свертков там и сям выглядывали тупорылые горлышки коньячных бутылок, макушки колбасных батончиков с веревочными косичками.

Судорожно потискав третьему руку, двое почтительно попятнулись из купе. Поезд тронулся. Попутчик расстегнул пиджак, ослабил галстук.

— Ф-фу! — выдавил он устало. — Ну и командировочка! Умеют принимать, подлецы!

— Стало быть, взятки берете? — без обиняков спросил я, показывая на столик.

— Да как вы... — Сосед задохнулся от возмущения. — Как вы смеете?! Да я вас... Нашли взятчирика... А это, — он скосил глаза на свертки, — это... знак уважения и дружеского внимания...

Обиженно засопев, попутчик отвернулся от меня и уставился в окошко. А я вновь углубился в блокнот.

...В коридорах столичного главка «Главсельэлектросетьстрой» витал в тот день аппетитный, но слезоточивый запах.

— Идите на проходную, — вытирая непрошенные слезы, весело повторяли друг другу сотрудники. — Там лук выдают.

— Вы хотите сказать «продают»?

— Именно выдают! Бесплатно.

У проходной, оцетинившись авоськами, гудела довольная очередь.

— Не волнуйтесь, товарищи, всем хватит, — успокаивал очередников начальник отдела промышленных предприятий главка А. М. Кугаков.

— Откуда это море луковое? — интересовались сотрудники.

— Из Пензы. Начальник нашей мехколонны № 41 Николай Васильевич Мальшев дарит вам в честь окончания квартала.

За радостной этой суетой наблюдал из-за спины вахтера сам щедрый Николай Васильевич. Он не мог отказать себе в таком удовольствии и специально приехал из Пензы. В командировку, разумеется... «Клонули!» — думал он, удовлетворенно потирая руки, к которым теперь, как он считал, добавилась еще одна, третья, — рука в Москве.

Зачем же понадобилась третья рука заслуженному строителю РСФСР Николаю Васильевичу Мальшеву? Дело в том, что он вот уже несколько лет являлся не только заслуженным строителем, но и заслуженным расхитителем государственного имущества, а вышеупомянутому главку с труднопроизносимым названием напрямую подчинялась руководимая им мехколонна. Мальшев нуждался в оперативном просторе, а такой простор можно получить, конечно же, лишь при расположении руководства. Николай Васильевич не был настолько наивен, чтобы опираться на рядовых сотрудников главка. Но чем черт не шутит: может, и они когда-нибудь пригодятся? Тем паче что полгонны подарочного лука не стоили ему ни копейки: он приобрел их в совхозе за счет родной мехколонны...

Основной упор делал Мальшев на высокое руководство. Это руководство — в лице уже знакомого нам А. М. Кугакова, а также помощника заместителя министра энергетики и электрификации СССР А. С. Канунникова

На последней планерке директор сказал так:

— Вопрос, товарищи, стоит очень остро — быть или не быть нам на хорошем счету у главка? Срочно надо совершить что-то необычное, чего от нас может быть, никто уже и не ждет. Ну, не знаю... чертеж хоть раз выпустить без ошибок... Или еще что-то подобное. А самое лучшее — как-то ухитриться и сэкономить фонд зарплаты, штаты наши дикие сократить. Вот, скажем, Петрухин уже кое-что придумал: отдал все вакансии своего отдела. Уверил, что и без них обойдется. То есть ту же самую работу обязуется делать, но как бы меньшим составом. Молодец!

Ну, скажите, где справедливость?! Есть в нашей конторе два отдела — мой и Петрухина. Работу делают практически одну и ту же. И называются ничем ли не одинаково. То есть в принципе почти ничем не отличаются. А вот поди ж ты — директор явно этому Петрухину благоволит. Словом, чувствую, надо что-то предпринимать, а то...

После планерки собрал я свой отдел и говорю:

— Вопрос, братцы, стоит очень остро: быть или не быть? Быть на хорошем счету у дирекции нам или Петрухину. Он, между прочим, уже отказался от своих вакансий. Короче, вот что я предлагаю: каждому из нас отказаться от половины зарплаты! Тем самым мы здорово выручим директора. Как идея?

Оглядел я сотрудников, вижу, заблестели у них глаза, чувствую, радуются они моей идее, хотя пока еще как-то сдержанно. Не прыгают до потолка.

— Да-а-а, — качаю головой. — С сознательностью у нас еще, видать, слабовато... Что скажет коллектив?

— А что ж тут скажешь, — начинает Шрамков, мой зам. — Дело это, с одной стороны, конечно, заманчивое, от половины зарплаты отказаться...

— Правильно, есть тут зерно, — встает Миша Кульков, молодой специалист наш. — Так и напишем: товарищ директор, зарплата у нас, спасибо вам, хорошая, но... слишком большая. И вот, стремясь внести посильный вклад в экономию, наш отдел...

ва — любило наезжать в Пензу. Николай Васильевич умел принимать гостей и не жалел для этого средств. Государственных, понятно. К приезду столичных начальников он готовился загодя: набивал свою дачу всякой всячиной, которая плохо лежала на складе мехколонны. Плохо лежало листовое железо — и Мальшев обивает им стены своего дачного погреба. Плохо лежал, точнее, стоял, новенький холодильник «Минск» — и он возникает на даче и ломится от заготовленных к «дружеской встрече» яств и напитков. «Начальник без дачи — все равно что подчиненный без выговора», — любил повторять Николай Васильевич.

— Хорошо живешь, Мальшев, — говаривал после первого тоста помощник замминистра Канунников. — У меня вот тоже есть «дачурка» под Москвой. Участок, доложу тебе, огромный: пока его вручную распашешь — замаешься...

— А у меня другая проблема, — вздыхал разомлевший начальник отдела главка Кугаков. — Дачка моя от Москвы далековато, а «Жигуль» проклятый все время ломается...

Дачное совещание проходило в атмосфере полного взаимопонимания. И вот уже в столицу в дар Канунникову посылается... трактор «Риони» — новенький, только что полученный мехколонной. Помощник замминистра встречает подарок в условленном месте и перегоняет к себе на дачу.

Мальшев уважал субординацию. Он твердо знал, кому лук, а кому — трактор. И потому Кугакову как начальнику рангом повыше рядового сотрудника, но и пониже Канунникова решил презентовать — не без задних мыслей — передний мост для автомобиля. Дефицитная запчасть была списана с неисчерпаемого склада мехколонны и перековывала в столицу, где была с благодарностью принята.

Так были наведены мосты между Мальшевым и руководством. Николай Васильевич почувствовал себя хозяином положения. Под разными предлогами он выманивает деньги у водителей мехколонны и присваивает их. Берет взятку в 2 тысячи рублей за незаконное предоставление квартиры в мехколонновском доме. Продолжает тащить на дачу всякую государственную всячину. Махинирует бесплатными путевками в пионерлагерь.

Слухи о таинственной руке в министерстве гипнотически действуют на подчиненных, не обходят они и руководство вышестоящего треста «Нижневожжсксельэлектросетьстрой». «Крепкий начальник, — говорят о Мальшеве в тресте. — На высокое руководство прямой выход имеет...»

И кто знает, как долго продолжал бы жульничать Мальшев, если бы не случилась как-то авария на электролинии Пенза — Каменка. Ремонт электролинии произвела мехколонна. Мальшев решил и здесь погреть руки. Он завьпшает объем выполненных работ на 111 тысяч 740 рублей. В главке, где еще не выветрился запах лука, приписки, естественно, «не заметили» и увеличили мехколонне фонд зарплаты на 10 тысяч 300 рублей. Эти-то денежки и хотел прикарманить Николай Васильевич, но не успел. Помешали гости. На сей раз незваные, из ОБХСС.

И был суд, на котором Александр Сергеевич Канунников и Алексей Михайлович Кугаков поссорились с Николаем Васильевичем Мальшевым.

— Жулик! — сказал о своем недавнем благодетеле Канунников. — Всучил мне неисправный трактор, на котором ни пахать, ни сеять нельзя. Пришлось продать его соседу.

— А мне и вовсе подсунил передний мост не для «Жигулей», а для «уазика», — вторил ему Кугаков. — Надул, одним словом.

Из руководящего кресла Мальшев на целых шесть лет пересел на нары. А вот Кугакову с Канунниковым повезло: начальнички отделались сравнительно легко — исправительными работами по месту службы, теперь уже не руководящей.

Странно, однако, что не привлек чуткое обоняние суда тот гнилостно-луковый запах, которым пропитался «Главсельэлектросетьстрой». Нормально ли, что коллектив скопом принял заурядную взятку, что запах лука начисто отбил у некоторых сотрудников гражданское чутье? Суд почему-то не вынес частного определения в адрес главка, и история с луком осталась без последствий.

Любое преступление не возникает на пустом месте. Оно, подобно луку, созревает лишь в благоприятном климате. Моральный климат в главке и аморальный облик двух московских руководителей в данном случае явились для него благодатным черноземом.

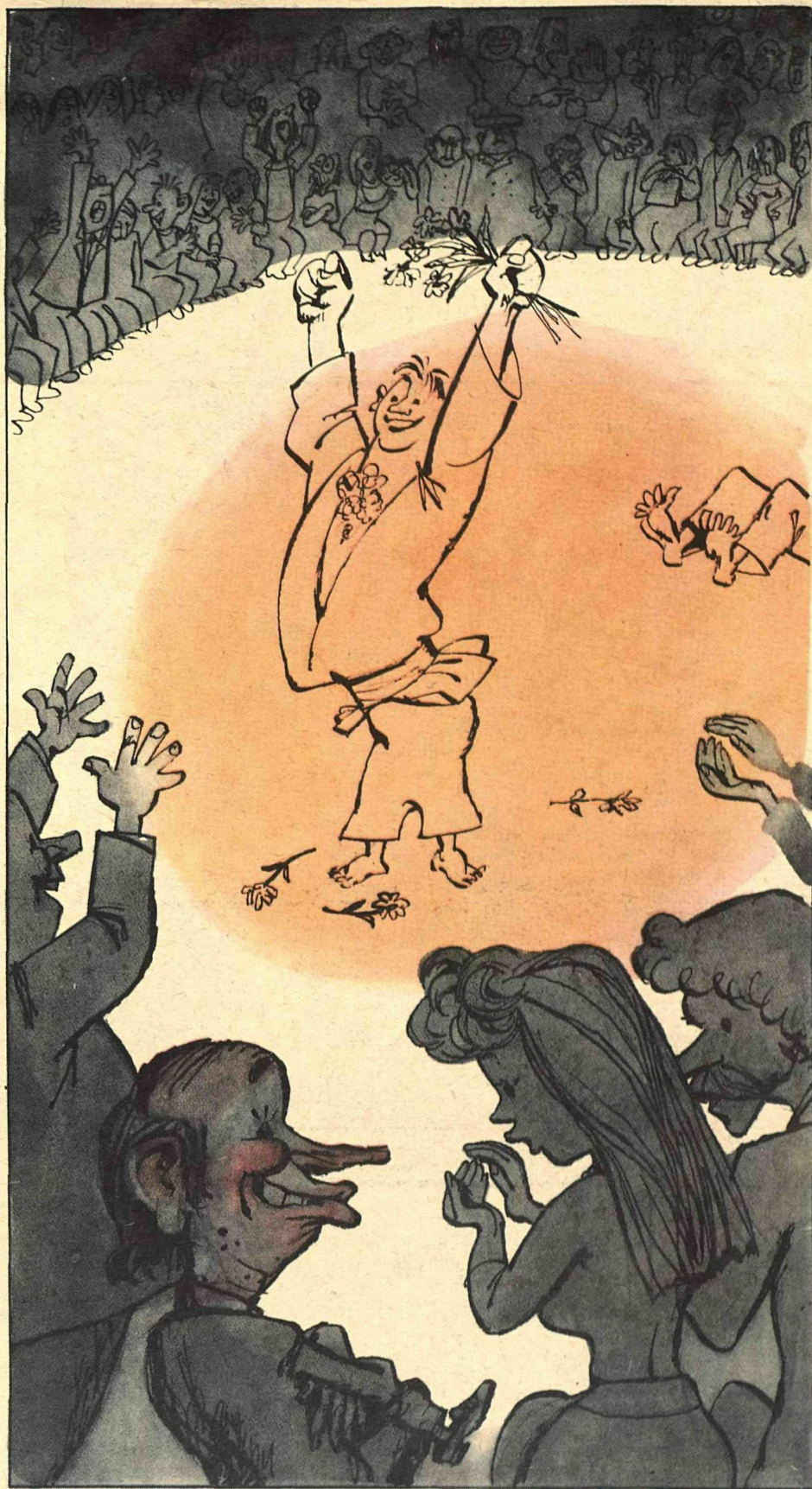
* * *

Я перевернул последнюю страницу блокнота.

Поезд мчался сквозь ночь. Мой попутчик безмятежно похрапывал на своей полке. Я глядел на него и думал о том, как опасна сложившаяся кое-где на местах практика приема заезжих начальников — с попойками и рыбалками (что, как правило, одно и то же), с баньками и подачками, неуклюже замаскированными под «знак уважения». Не знак на них, а клеймо. Несмываемое клеймо взятки.

...На лице спящего соседа плясали тени и блики от проносющихся за окном фонарей. Вдруг на какое-то мгновение пляска теней прекратилась, и на лицо его легли клетчатые контуры тюремной решетки... Хотя, наверное, это мне просто показалось...

Пенза — Москва.

— Подумаешь, самбист, да я его одной анонимкой прихлопну!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА.

— Все это так, хотя с другой стороны... — мнется что-то мой зам. — Что ж я, к примеру, жене своей скажу, Клаве?

— Сеня, это ты брось! — ставлю я его на место. — Можно подумать, что у тебя у одного жена Клава... И в такой ответственный момент ты вон, значит, о чем печешься! На тебя же как на зама люди должны равняться, а ты!.. Несерьезно это.

— Почему ж несерьезно? — Это, как всегда, Симкин вылез, конструктор, со своими принципами. — А с какой стати, собственно, я должен от своей кровно заработанной полочки отказываться? Выходит, пять лет я ее заслуживал, а с сегодняшнего дня уже не достоин? Но вы же, Павел Сергеевич, неделю назад сами выдвигали меня на Доску почета. Как регулярно перевыполняющего задания, верно? И вот, вместо того, чтобы прибавить мне за это зарплату, вы предлагаете ее уменьшить. Где логика?

Чувствую, этот Симкин сейчас всех с пути истинного собьет. Киваю незаметно Люське Быковой, инжене-

ру по эксплуатации, верному моему кадру... Быкова тут же, с пол-оборота:

— Симкин, кончай народ расхоложивать! Сам лично можешь не отказываться от своих копеек, никто тебя не заставляет, если ты такой жмот. Ты в своем репертуаре: весь здоровый коллектив в одну сторону, а ты в другую. Как всегда. А вот я лично решила пойти еще дальше: не от половины, а от двух третей зарплаты отказаться, вот! Кто еще лично? Машк, а ты что?

— Я?.. А чего я? — как ошпаренная, дернулась с места Свягина, подруга Люськи, и. о. инженера. — Я лично... тоже могу от двух третей, а чего мне?.. Машка — тоже верный кадр. Они с Быковой всегда за меня горой, почему я их и держу, а то бы...

Словом, написали коллективную докладную директору, в которой все, кроме Симкина, единодушно потребовали уменьшить им зарплату наполовину, а Быкова и Свягина — аж на две трети! Ну, Петрухин, теперь держись...

...А через неделю директор, улыбаясь, сказал мне:

— Ну, Палсергеич, я даже и не представлял, что у тебя такой сознательный коллектив! Вы меня здорово выручили, большое тебе спасибо. Уж теперь-то мы точно будем на хорошем счету у главка. Они решили так: раз, говорят, у вас есть два одинаковых отдела, а, кроме того, сотрудники сами сознают, что платят им чересчур много, надо из двух отделов оставить один — Петрухина...

— Что?...

— Да ты, Палсергеич, не волнуйся, тебя мы не дадим в обиду, переведем к нему в отдел техником. Зарплата твоя будет вдвое меньше нынешней, как ты и просил. Симкина, твоего единственного приличного работника, переведем с повышением. А твой теперешний отдел расформируем, и в первую очередь, конечно, сократим этих... Быкову и Свягина, верно? Они-то, оказывается, и вовсе даром зарплату получают... Так ведь? А тебе, Палсергеич, еще раз ба-а-альшее спасибо. Молодец!

Что с воза упало...

— С кормами у нас туговато. Вот закупили соломенные шляпы—авось до весны дотянем.

Рисунок В.САФОНОВА.

Почему надоевшее на курских фермах молоко частенько скисает, не дойдя до магазина? Таким вопросом задался спецкор Крокодила Ю.Борин. Последовавшая затем поездка в соседнюю Белгородскую область дала исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. Так появились два фельетона: «Виноваты ли коровы?» и «Доказательство от противного» (№ 24, 1985 г.).

Доказали белгородцы. Прежде и там молоко превращалось в «кисляк» — до тех пор, пока белгородские хозяйства не перешли повсеместно на прямые связи: ферма — молокозавод. Молоко охлаждается в хозяйстве, а завод своим транспортом забирает его для переработки. Что позволило, во-первых, наладить четкую доставку молока горожанам. Во-вторых, заинтересовать хозяйства материально. В-третьих, избежать потерь продукции. А перешли белгородцы на такие связи в течение одного лишь 1983 года.

Разумеется, обо всем этом в Курске отлично знают и тоже постепенно переходят на новый порядок заготовок молока. Но процесс перехода настолько затянулся, что практически незаметен.

Редакции ответил секретарь Курского обкома КПСС Ф.Бровкин. Он сообщил, что выступление журнала рассматривалось на бюро Львовского райкома партии, а также в Курском производственном объединении молочной про-

Н. САМОХВАЛОВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Вода с

На бак-аккумулятор дружно подналегли агрессивная вода, ржа, безалаберность. Бак-гигант Зареченской котельной лопнул, как воздушный шарик. Вырвались на волю десятиметровые горячие волны, оставляя за собой разрушения и жертвы. В трескучий мороз оказался без теплых батарей район с 70-тысячным населением.

Ценой самоотверженных действий и ощутимых затрат удалось согреть детсады и школы. «Через двадцать один час после аварии Зареченская котельная начала действовать, и все это время люди не покидали рабочих мест», — с гордостью сообщил в областной газете «Коммунар» заместитель председателя облисполкома Ю.Бахтияров.

Туляки имели право на подобную гордость. Но все ли? Тульское ЧП готовилось загодя. При строительстве Зареченской котельной были поставлены две исполинские емкости, предназначенные хранить нефтепродукты. В подобных случаях рекомендуется, так сказать, лакировка действительности. Анतिकоррозийная. Утомленное монтажом строительное начальство махнуло рукой:

— Где ползучей коррозии осилить этикие объемы! Но ржа аппетитно вонзила зубы в беззащитные стальные стенки. Пиршество длилось несколько лет.

Работники котельной пытались разжечь тревогу: от железных гигантов могут остаться одни ребрышки.

— Пустяки! — отмахивался начальник предприятия объединенных котельных и тепловых сетей С.Царев. — И потом где же, ребятки, я возьму вам новые цистерны? Это ж целые дирижабли!

Стенки простукали пальчиком и прощупали бесстрастным прибором «Кварц-6». Прибор бросило в дрожь.

Аварийно-технический акт комиссии вынес приговор: баки-аккумуляторы следует немедленно разжаловать в металллом.

Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР, получив из Тулы в начале позапрошлого года челобитную о помощи в замене нестандартного оборудования, отозвалось:

— А еще туляками называетесь! Мастерами-умельцами слывете на весь мир, а какой-то бачок склепать не можете!

Туляки горазды творить самовары, при необходимости блоху подковать способны. Но наземный дирижабль ладить не доводилось.

Ржа ломила в открытую, оставляя за собою течи и свищи. Горячие фонтанчики сердито шипели на работников котельной.

— Необходимы решительные меры! — склонял новый руководитель участка С.Ковшарь к исполнению служебного долга начальника Зареченской котельной А.Гаспаряна, главного инженера предприятия А.Коптева и самого С.Царева. Но никто не отважился на остановку котельной: страшила ответственность.

И рвануло бак в конце концов. Выплеснулись из него горячие волны. Вот тогда и увидели все, как способны поворачиваться тульские теплотехники и Минжилкомхоз РСФСР в экстремальных условиях. За три дня доставили новые емкости из Саратова. Еще скорее — самолетом! — чертежи для установки.

Между тем последствия допущенной аварии таковы, что с ними не в силах управиться многие месяцы.

СИТУАЦИЯ

мышленности. Критика признана правильной. Намечено перевести на прямые связи все хозяйство в XII пятилетке.

Поступил ответ и из упраздненного ныне Минмясомолпрома СССР. Заместитель министра В. Сергеев информирует редакцию о том, что для установления прямых связей с хозяйствами уже начата реконструкция Коньшевского молочного завода, а реконструкция Львовского молочного консервного комбината наме-

чена на 1988—1989 годы. За серьезные упущения, приведшие к потерям продукции (о чем рассказывалось в фельетоне), директор комбината А. Махлай и его заместитель В. Никифоров освобождены от занимаемых должностей.

Все это, конечно, правильно. И можно целиком поддерживать те меры, которые принимают в Курске. Однако и Курский обком, и бывшее министерство старательно ограничивают рамки фельетона Львовским комбинатом и его зоной. Между тем, судя по письму министерства, централизованый вывоз в целом по Курской области составил только 38 процентов по отношению ко всем закупкам молока. Это значит, что курянам еще ох как далеко до соседей! Ведь 62 процента всего поступающего с ферм молока не охлаждается на месте и, стало быть, приходит на молокозаводы низкокачественным или вообще скисает в пути.

Что же мешает курянам побыстрее перейти на прямые связи?

ПОДОПРОВОМ

Тулеский водопад из кипятка—не единственный в жилищно-коммунальной сфере. Резервуары-великаны в разное время раскалялись, как арбуз, и в Красноярске, и во Владивостоке, и в Москве. Авария в Ленинграде стоила семи жизней.

Между тем емкости, рожденные в недрах ЦНИИ «Проектстальконструкция» Госстроя СССР для жидких нефтепродуктов, вообще отказываются мирно сосуществовать с горячей водой. А таких приспособлено только в системе Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР более семисот. 700 чутко дремлющих вулканов!

Обеспокоенные авариями коммунальщики попытались растревожить бумагами Госстрой СССР. Мол, многие годы не можем дожидаться надежного бака для воды. Пусть дадут ваши специалисты хотя бы методику обследования дырок от коррозии!

Но до сего дня ведутся межведомственные дискуссии.

Несмотря на клокочущую опасность, баки-аккумуляторы не удостоены быть причисленными к объектам, опекаемым Госгортехнадзором, Котлонадзором и другими бдительными спецслужбами.

Недавно появился наконец типовой проект бака для горячей воды. Казалось бы, всем печалям и бедам придет крышка. Но... Этих «но» — два, уважаемые потребители коммунальных услуг. Во-первых, утвержденный проект годен для емкостей от 2 тысяч кубов до 20. Однако они составляют только девять процентов в общем строю баков, находящихся на службе указанного министерства. Остальные (девятьюсто один процент!) имеют другую емкость — от 100 кубов до 2 тысяч, но ничуть не меньшую беду с подогревом.

Во-вторых, проектом предписывается обязательное убережение стали от соприкосновения с водой. А оно, это убережение, не мыслится без антикоррозийного герметика — АГ-4. «Герметик выпускается только двумя предприятиями в стране, — говорит заместитель начальника Главэнерго Минжилкомхоза РСФСР В. Батраченко. — В количестве, не обеспечивающем и половину нашей потребности».

Согласитесь, эти дюжие «но» способны придержать крышку в воздухе.

Вот и новые баки-аккумуляторы, установленные после аварии в Туле, имеют прежнее предрасположение к ржавчине, так как им опять не привит коррозионный иммунитет.

А потому, кто поручится, что не содержится в бачках стихия более грозных бурь?!

Тулеская область.

Александр СОБОЛЕВ

Поэту Александру Владимировичу Соболеву, ветерану Великой Отечественной войны, уже четверть века печатающемуся в нашем журнале, лауреату ежегодной премии «Крокодила», автору слов песни «Бухенвальдский набат», лауреату Международного конкурса политической песни «За мир и прогресс», автору нескольких сборников сатирических стихотворений, — 70 лет. Сердечно поздравляя юбиляра, предлагаем вниманию читателей его новые стихи.

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО.

СПИНОЮ К СВЕТУ

Субъектов галерея,
Увы, не из музея,
Увы, из гущи жизни —
Сорняк в моей отчизне.

Их общая примета —
Боязнь дневного света:
При ярком освещении
Верней разоблачение.

То шаря оком по газете,
то по зеленому сукну,
в своем служебном кабинете
уселся он спиной к окну.
Нужны здесь выдумка и знание:
В ЗАТЫЛОК СВЕТ — ЛИЦО В ТЕНИ.
Откроешь дверь — на изваянье
достопочтенное взгляни!
Встань перед ним хоть на колени
и просьбу повтори стократ —
не дрогнет сердце-автомат
ни на единое мгновенье.
Как топором отрубил с маху:
— Идите, хватит — все сказал!..
Однако он подвержен страху —
он прячет в полутьме глаза,
и губ змеиных искривленье,
и медно-толоконный лоб...
Он не выносит, словно клоп,
дневных лучей прикосновенья.

А вот еще один сородич...
Он с виду будто бы простак,
демократичен даже вроде,
как будто так, а все ж не так.
Солидным учрежденьем правя,
решил, что тут он царь и бог:
трусливых трепетать заставил,
а критиков терпеть не мог.
Затронь чуток его особу,
и этот псевдодемократ,
ухмылкой прикрывая злобу,
учтиво скажет: — Виноват!..
Но в сердце затаит он мщенье
и воплотит немедля план:
тебя под видом сокращенья
с работы выгнать, «критикан».
Уселся в кресле важный дядя,
С какого ни смотри конца,
не разглядеть его лица:
источник освещенья — сзади.

Того по духу кровный брат
инога вида бюрократ.
Кивнет на стул и непременно
к себе он расположит вас:
мол, излагайте откровенно,
и он поможет хоть сейчас.
У вас давно уж речь готова,
ваш дух волнением томим,
но Сам не слушает ни слова —
ведь занят он совсем другим.
И улыбаясь вам, как другу,
А может быть, еще нежней:
— Я к вашим, — говорит, — услугам,
зайдите через пару дней.

К нему заходите раз двести!
Но «их» все нет и нет на месте.
Вот, наконец, в счастливый час
он пойман вами еле-еле...
Но вы лица его и глаз
увидеть толком не сумели:
«оне» не любят свет дневной,
«оне» сидят к окну спиной.
А ваш вопрос? — «Какой вопрос?..
Ах, да!...» — Он на год перенес.

Есть разновидности жулья —
жуки-хапуги госжилья.
Один за кругленькую взятку
квартиру даст — и все в порядке.
Другой — слегка наоборот —
по шесть квартир хватает в год:
для сына, дочери и брата,
для кума, шурина и свата...
Но есть и покрупней дельцы,
таким гроссмейстерам обмана
квартира — мелочь!

Им дворцы
тотчас подай из госкармана.
Не подают? Он сам возьмет
(авось — бог даст — и пронесет...)
Но и у этих, без сомненья,
уловка верная одна:
лицом подальше от окна
во избежанье облученья.

РЕЗЮМЕ

Подобных типов ряд
порочный
длиннее, честно говоря.
Народ их видит очень точно
и знает очно и заочно

и осветит от «А» до «Я».
Без исключения.
Сполна.
Такие нынче времена!

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

Морозным январем 1826 года в дальнем селе Спасском, затеряншемся среди лесов и болот Тверской губернии, мещанин Курбатов, которого в уезде почитали за прозорливца, пророчествовал по поводу своего крестника: «Младенец сей будет разгонщик женский и многих супостатов покорит!» И хотя по женской части вышла явная промашка, второе предсказание сбылось. Потому что родился в ту пору великий бичеватель супостатов российских Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

В шуточной табели о рангах здравствующих писателей, которую поместил в № 19 «Осколков» за 1886 год Человек без селезенки (молодой А. П. Чехов), Щедрин стоит третьим — вслед за «тайными советниками от литературы» Львом Толстым и Гончаровым. В каждой шутке есть доля правды: еще при жизни автора «Господ Головлевых» почитали как великого писателя. Однако это не вся правда: в его жизни, как и в творчестве, великое органично сочеталось со смешным. «Очень я люблю этого человека — как он ни вращает глазами и ни старается быть букой, — писал И. С. Тургенев П. В. Анненкову. — Он очень наивен и добр. И ругается он от избытка этих двух качеств». «Суровый добряк» — так назвал свои воспоминания о писателе известный беллетрист, приятель Чехова, Иван Щеглов. Как видно из свидетельств друзей и знакомых Щедрина, назвал очень точно. Кажущаяся начальственная манера поведения, резкость суждений, неотрывно пронизывающий взгляд и поразительная человечность, готовность прийти на помощь — все эти качества уживались в нем.

Незадолго до смерти Щедрин сказал: «Обиднее всего, что умрешь, и будут про тебя только анекдоты рассказывать...» «Собственно говоря, в анекдотах ничего еще дурного нет, если они хороши и правдоподобны», — писал С. Н. Кривенко, коллега Михаила Евграфовича по «Отечественным запискам», один из первых его биографов. Что ж, меткая бытовая зарисовка иногда говорит о человеке действительно больше, чем подробная «академическая» биография. И так...

Сойдутся, бывало, Щедрин и великий актер Малого театра Садовский, посидят рядом, помолчат час, другой и разойдутся. А потом Щедрин скажет: «Интереснейший это человек — Пров Михайлович!»

Об одном посетителе редакции, которого Щедрин недолюбливал, он отзывался так: «Ну, что такое НН! На нем и штаны-то сидят, как на покойнике!» — сразу определив не только покрой брюк, но и все умственные и нравственные качества литератора.

Высказывание Салтыкова-Щедрина об одной из газет: «Как принесут ее, так и кажется, что дурак вошел в комнату!»

Встретилась на улице Щедрину одна знакомая барыня и спросила:

— Куда это вы, Михаил Евграфович?

— Мишку травить.

— Какого Мишку?

— А вон, — показал писатель на квартиру губернатора, помещавшуюся на втором этаже, — что залез в высокую берлогу!

На квартиру к Щедрину явился некий господин, отрекомендовался врачом. «Что вам угодно?» — спросил писа-

тель. «Нет, это я вас спрашиваю: что вам от меня угодно?» — сказал посетитель. «Ровным счетом ничего». — «А зачем вы хотите тогда меня описывать?» Дело оказалось в том, что врач бросил девушку, с которой у него был роман, а та пригрозила пожаловаться Щедрину, чтобы тот хорошенько врача высмеял в очередной сатире. Врач перепугался и прибежал к Михаилу Евграфовичу оправдываться, умоляя «не губить» его.

В Москве ежемесячно устраивались так называемые «академические» обеды, на которых собирался весь цвет интеллигентной публики. Один раз решили послать Салтыкову-Щедрину приветственную телеграмму и написали: «Ежемесячно обедающие шлют тебе привет и т. д.». На это писатель прислал ответную депешу: «Благодарю всех ежемесячно обедающих. Ежедневно обедающий Салтыков».

Таким он был, «медведь с душой ребенка», язвительный и добродушный Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, наш великий соотечественник, которому исполнилось 160 лет.

Ян ПРУССКИЙ,
научный сотрудник музея
М. Е. Салтыкова-Щедрина,
создающегося на родине
писателя.

«ПРЕМУДРЫЙ ПЕСКАРЬ»

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»

КТО ЛЮБИЛ И КТО НЕНАВИДЕЛ

«Кто возбуждает ненависть — тот возбуждает и любовь. Будь Вы просто потомственный дворянин М. Е. Салтыков — ничего бы этого не было. Но Вы Салтыков-Щедрин, писатель, которому суждено было провести глубокий след в нашей литературе, вот Вас и ненавидят — и любят, смотря кто», — писал И. С. Тургенев. Предлагаем вниманию читателей выдержки из рецензий, публиковавшихся в русской дореволюционной печати, которые ясно показывают, за что любили сатиры Щедрина его почитатели и за что ненавидели враги.

«Губернские очерки» мы считаем не только прекрасным литературным явлением — эта книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни.

«Губернскими очерками» гордится и долго будет гордиться наша литература. В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честное имя его между лучшими и полезнейшими и даровитейшими детьми нашей родины».

«СОВРЕМЕННОСТЬ», 1856 г.

«Однако ж, несмотря на достаточную занимательность «Губернских очерков», вряд ли способны они приобрести качество общенародной книги: они раньше или позже умрут. ...Недостаток приличного равнодушия, тон негодования, беспрестанное волнение возбужденного чувства ненависти вызывают у автора дикие гиперболы, слишком выразительные фразы и являют перед нами сочинителя в каком-то ненормальном состоянии, разочарованным, разгневанным, пристрастным и взвешивающим на чиновный люд сквозь тусклое стекло больного воображения... Автор мало владеет истинно художественным талантом рисовать нормальное; он всего лучше живописует явные пошлости: взятки».

«СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА», 1858 г.

«Он не нашел в себе достаточно способности описывать добрые и приличные лица. Будем ли мы обвинять его за это? Кто не знает, что хорошее

высказывается само собою, а дурное надо силою выводить на свет... Поэтому уличить патриархального взяточника, вывести на свежую воду благонамеренного разбойника, сорвать маску с добродетельного мошенника — в десять раз полезнее всех типов честности, прямоты, бескорыстия, — и в этом отношении заслуга г. Щедрина велика перед литературой и перед родиной».

«СЫН ОТЕЧЕСТВА», 1857 г.

«Талант г. Щедрина очень неровен... По большей же части его сатира бьет по сторонам, беспредметно, и слишком переходит в шаржу и ненужную карикатуру. Этим последним недостатком страдает также его «Современная идиллия»... Юмор г. Щедрина — тяжелый, реальный юмор русского практического человека; в нем вы видите постоянно намеки на такую горькую действительность, на такие безотрадныя обстоятельства нашей общественной и гражданской жизни, что рядом с ними не может быть места простому добродушному смеху».

«РУССКАЯ ГАЗЕТА», 1878 г.

«Одним словом, он трактует о самых важных вопросах в такой форме, что невозможно разобрать — говорится это шутя или серьезно, и на чьей именно стороне сочувствие автора. Этим довольно важным недостатком грешат в большей или меньшей степени все произведения г. Щедрина».

«НОВОЕ ВРЕМЯ», 1873 г.

«С появлением каждой новой вещи Щедрина валится целый угол старой жизни. Кто помнит впечатление от его «Помпадуров и помпадурш», его «Глуповцев» и его «Балалайкина», знает это. Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара. Оно становилось смешно и позорно. Никто не мог отнестись к нему с уважением. И ему оставалось только умереть».

«НОВОЕ СЛОВО», 1910 г.

«В тяжелое смутное время конца семидесятых и начала восьмидесятых годов «сатира» Щедрина была таким же развращающим и разрушающим орудием в руках наших террористов, как их подпольные листки, заграничные брошюры и динамитные бомбы. М. Е. Салтыков знал это и не прекращал своих глумлений над теми мерами, которые правительству приходилось принимать в борьбе с революционным террором. Террористы того времени делились на нелегальных и легальных деятелей. Щедрин был, несомненно, самым ярким и самым даровитым представителем последней категории, принесшей России гораздо больше нравственного вреда, чем первая».

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ», 1889 г.

«Салтыков сохранял до конца то святое недовольство, с которым и «на склоне наших дней постыдно мы не убежим из строя». В этом недовольстве Салтыков находил силу, позволявшую ему среди непрестанных мучений, почти накануне смерти, создавать такие произведения, как «Пошехонская старина». Он угасал, как богатырь, стоя, не выпуская из рук пера — оружия всей его жизни. Он умер, как часовой на своем посту, служа литературе, которой он был обязан мучительными минутами своей жизни и любовь к которой он завещал в предсмертном письме единственному своему сыну...»

«ЮЖАНИН», 1889 г.

Мих. КАЗОВСКИЙ

ВЕКОМ ПОЗЖЕ

«Как всегда, оригинально и весело прошел традиционный щедринский праздник в день рождения гениального сатирика. На его родину, в Спас-Угол Талдомского района Московской области съехалось немало гостей: читатели и писатели, карикатуристы, комедиографы, представители города Габрово. Вначале состоялась экскурсия по маршруту «Щедринское Пошехонье», куда входит осмотр восстановленного господского дома (здесь развернут историко-литературный музей), парка с красивейшими прудами, отреставрированной церкви Спас-Преображения, а также церкви святого Георгия в Станках, дома из Ермолина и мемориального кладбища. К памятнику Михаила Евграфовича были возложены цветы. В Доме культуры открылась выставка сатирического плаката, прошла премьера кинокомедии. Свои новинки показали и художники-мультипликаторы. На литературном вечере выступили известные прозаики и поэты, пародисты, афористы, актеры московских театров. Завершился праздник большой книжной ярмаркой, на которой можно было приобрести произведения Салтыкова, Гоголя, Чехова, Ильфа и Петрова, Зощенко, Булгакова, современных сатириков и юмористов...»

Конечно, именно так и будет. Мы в это верим. Именно так напишут об этом центральные и местные газеты. А Нинель Шахова для программы «Время» возьмет интервью у какого-нибудь знаменитого щедриниста (или щедриноведа?). И будут звучать бессмертные творения Салтыкова, ибо всем понятно, какое огромное место занимает он в нашей культуре. Ибо все согласны, что без сатиры, без критики наше движение вперед невозможно.

Но когда? Когда это все случится? В веке нынешнем или же в третьем тысячелетии новой эры, куда даже самые дерзкие перспективные планировщики пока не очень заглядывают? Как бы там ни было, а Министерство культуры РСФСР с этим особенно не спешит. Вероятно, считая, что искусство Щедрина

бессмертно. А если так — веком раньше, веком позже — какая разница?

И вроде бы недавно отметили мы 150-летие Михаила Евграфовича. И были речи, и были обещания. И выделялись средства на реставрацию усадьбы, церкви в Спас-Угле, расчистку прудов, рекультивацию парка, создание музея, строительство памятника, Дома культуры, кафе и автостоянки. И выступал «Крокодил», поддерживая все эти начинания (см. в №№ 29 и 36 за 1975 год фельетоны «Пошехонская новизна» и «Яичница в мемориале»). А нашему журналу отвечали компетентные лица: дескать, сомнения прочь, граждане сатирики, мы Салтыкову на его родине такой мемориальнице возведем, что все только ахнут; и Ленинграду, в квартире номер 4 по Литейному, 60, где писатель долгое время работал и жил, музей справим. Все будет труляля. Не успеете и глазом моргнуть!

Действительно, не успели, как 160-летие накатило. А «труляля» что-то не получилось. Выделенные средства под сурдинку отдали другим ведомствам. Худо-бедно, лишь покрасили церковь Спас-Преображения, благоустроили парк (частично) и шуганули с прудов лягушек. Всё. До остального руки не дотянулись. Открытие музея экстренно пришлось отменить. Ленинградцы тоже не обогнали москвичей: как сообщил наш корреспондент А. Матюшкин-Герке, в мемориальной квартире на Литейном произвели всего-навсего косметический ремонт. Однако жильцам ее не предоставлена новая площадь. А о создании музея и думать забыли...

Нет, конечно, в Министерстве культуры РСФСР любят гениального Салтыкова. Им по штату положено его любить. Но еще, как видно, премудрые министерские пескари больше ценят собственную спокойную жизнь. К чему высываться, инициативничать, выбивать средства, доказывать в инстанциях, что Салтыков был не менее талантлив, чем Блок, Есенин или Некрасов, если зарплата идет все равно? Ну, а случись, кто-нибудь поднимет вопрос о мемориале, можно и отговорку найти. Сослаться на объективные трудности. Наличие отсутствия фондов. А также неблагоприятные погодные условия... В общем, пустить в ход извечный арсенал уверток, которые высмеивал еще Салтыков-Щедрин.

Художник С. АЛИМОВ.

160
М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ

Л. ФЛОРЕНТЬЕВ

Накопив

В 1869 году в Санкт-Петербургские «Отечественные записки» поступил острый сигнал с места: «Пропала совесть». Сообщал об этом М.Е. Салтыков, он же Н. Щедрин, предварительно изучив окружающую его действительность.

Утратив совесть, многие начали даже чувствовать себя бодрее и свободнее, хотя и остервенились. А совесть, писал Щедрин, лежала на дороге, истерзанная и затоптанная, приобретающая вид негодной тряпички, и кто бы ни подбирали ее, тотчас, ощутив ее непомерное бремя, спешил избавиться от неудобной находки.

Проводя свой мысленный социальный эксперимент, Салтыков-Щедрин вывел на авансцену повествования шеренгу характерных для того историче-

ского периода типов. Первым в ряду подвизался негодный-кабатчик, далее квартальный надзиратель, потом еще финансист Бржоцкий — равно омерзительные типично исторические морды давно минувших дней.

Мы решили позаимствовать щедринскую идею, перенести действие старой притчи в наши дни и произвольно подвергнув такому же мысленному эксперименту действующих лиц, более или менее известных на мировой арене.

В понедельник и во вторник генерал Дж. Абрахамсон — гигант ракетно-стратегической мысли и особа, близкая к Уайнбергеру, — спал спокойно. В первую ночь снов вообще не показывали, а во вторую ему приснились трехсерийный сон. Сначала генералу привиделось, будто он инспектирует подразделения женской вспомогательной службы сухопутных войск с правом досмотра личных сундучков. Затем — будто он Чингисхан и едет в «джипе». Время от времени сны прерывались на манер рекламных вставок явлениями духа Дж. Форрестола, салютовавшего генералу призрачными воздушными поцелуями. Третий сон был самый сладостный. Генералу приснилось, что он размещаемый в ФРГ «Першинг».

Попытка сверхволевым усилием превратиться в кассетную боеголовку раздельного наведения ничего не дала.

Но самое страшное было впереди.

С четверга на пятницу генералу приснилась разрядка международной напряженности, и проснулся Дж. Абрахамсон мокрый, как только что всплывший «Трайдент».

В пятницу приснился суд народов. Генерал божился, что милитаризация космоса была нацелена на «освобождение всего мира от страха ядерной войны». Судья приговорил прибавить срок за дачу ложных показаний...

На следующую ночь генерал решил не смыкать глаз вовсе. Он лежал в ночи, большой, безмолвный и скорбный, как старый броненосец, идущий на слом.

Чтобы не сморил сон, он пошел на двоякую хитрость: во-первых, изготовил из спичек распорки для век, а во-вторых, мысленно разработывал операцию вторжения на атолл Кукуману, включавшую, в частности, такой перл военно-тактической мысли, как поэтапная иммобилизация тамошних вооруженных сил из семи аборигенов и превентивный тотально обезоруживающий удар, позволяющий вывести из строя сразу сорок бумерангов. В паузах генерал попеременно развертывал и свертывал силы быстрого реагирования. Сон отступал.

Ночь катилась к утру, как вдруг в углу что-то по-чуждому булькнуло, зашипело, на секунду пахнуло коротким замыканием, ночник на столике мигнул и погас, с треском сломались спички в генеральских веждах. Оправившись от шока, генерал заметил, что в комнате он не один. В углу, где булькнуло, теперь обосновалось существо явно неамериканского происхождения: бурое, голое, голенастое, с непомерно огромным чере-

пом, ростом примерно с пингвина, оно глядело на генерала печально и мудро.

— Вы кто? — генерал первым пошел на контакт.

— Я и-ти. Инопланетянин, — пояснил маленький бурый пришелец.

— Это что, из Голливуда?

— Наоборот, из системы Голубя. Я ваш брат... — тут головастый малыш с некоторым сомнением смерил генерала кротким взглядом, — или, скажем так, кузен по разуму.

«Система у них не очень-то, — промелькнуло в генеральской голове. — Лучше бы — Ястреба».

Вслух он этого, однако, не произнес, но посмотрел на новоявленного кузена выжидательно.

Между тем диковинный кузен неторопливо приблизился к массивной генеральской кровати, присел на краешек и, не говоря ни слова, вновь обратил на Дж. Абрахамсона свой взгляд, преисполненный неземной мудрости и безмерной печали межзвездных пространств.

И было что-то в этом взгляде от самой вечности, будто маленький гость нес в себе весь горький и гордый опыт тысяч цивилизаций, былых и сущих, загубленных самонадеянностью, алчностью и нетерпимостью и выживших, лишь отказавшись от истребления себе подобных.

И что-то екнуло в генеральском организме, бог его знает что: он вспомнил совсем еще, в сущности, недавние, робкие, первые шаги человека в околоземное пространство, и как тогда уже его родное ведомство задалось целью наложить лапу на всю программу космических исследований.

Странное, наполовину забытое чувство овладело генералом. Он вспомнил, как однажды мальчишкой спас из лап соседской кошки уже потерявшую значительную часть хвоста и пригрозившуюся к переходу в лучший мир птицу; потом, будучи взрослым и генералом, он как-то пожертвовал десять долларов калек, расположившемуся у входа в церковь; наконец, он всегда с любовью ухаживал за старой грушей в своем саду. Сколько он ни припоминал, никаких других добрых дел за собой обнаружить не смог.

...Рассвет застал генерала за письменным столом. Периодически орошая веленевую бумагу скупой алмазной слезой, он вершил страстный обличительный документ. Располагая богатым фактическим материалом, генерал доказывал, как дважды два, преступность и губительность планов милитаризации космоса. Наконец он перешел к изложению несколько щекотливого, но исключительно веского, на его взгляд, аргумента. «От «звездных

войн», — писал Дж. Абрахамсон, — необходимо отказаться еще и потому, что там, наверху, есть такие... примерно с пингвина, с мудростью Вселенной...» Мысль терялась. Генерал обернулся, чтобы создать словесный портрет пришельца с натуры. Но в комнате было пусто: никаких родственников по разуму. Был и исчез, как искаженное расстояние эхо давно утраченной доброты.

Недрогнувшей рукою гигант ракетно-стратегической мысли смял страстный документ в тугую бумажный мячик...

Да, «темпора мутантур» — времена меняются, и совести приходится проявлять недюжинную изобретательность, чтобы зов ее достиг иных душ. Надо думать, если бы она, как в щедринские времена, продолжала валяться на дороге, прикидываясь грязной тряпкой, то понапрасну теряла бы свое время. Как видим, устав дожидаться, пока ее кто-нибудь подберет, утраченная совесть предпочитает теперь сама являться к избранным бессовестным индивидам. Причем в самых разных обликах.

Однажды, прогуливаясь по саду и размышляя, по своему обыкновению, о народном благе, Пиночет недремлющим оком узрел на дорожке некий блестящий предмет. Это оказалась золотая монета, судя по всему, старинная. Причем на оборотной ее стороне от чистейшей латыни значилось: «Oderint dum metuant» — «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». Но пузе реверса приглянулся Аугусто Пиночету аверс. На нем был изображен профиль какого-то знатного мужчины, по всему видать, древнего трибуна и вождя. В облике его Пиночету возжелалось обнаружить сходство с собственной аугустейшей персоной.

Сунув монету в карман и придя в благое расположение духа, диктатор бодрым шагом направился в свою резиденцию, где уже собрались на совет члены правящей хунты.

А по дороге сам для себя неожиданно сорвал маргаритку и просунул ее в петлицу.

С маргариткою он и предстал перед своими соратниками (или правильнее будет сказать — соучастниками) и уж совсем огоршил их не тривиальным предложением:

— А что, сеньоры, не сыграть ли нам в слона?

И оглядел хунту лукавым взором. Хунта безмолвствовала. В кабинете воцарилась такая тишина, что слышно было, как стучаются изнутри о черепные коробки смятенные мысли приближенных.

— Ничего не может быть прощальнее, — лучезарно улыбнулся Аугусто Пиночет. — Вот, предположим, дон Диего встает и упирает руки в колени. — Диктатор для наглядности сам встал в исходную позу. — А дон Мигель — оп! — прыгает ему на спину. А шеф секретной службы... кстати, сеньоры, я вот сейчас подумал: а зачем у нас в стране такие, знаете ли, негуманные порядки? Нет, правда... людей хватают ни за что ни про что... а у них ведь семьи... политических заключенных уйма... как-то это надо обдумать, да хотя чего там думать: выпустить всех, и дело с концом...

Заметив побелевшее чело шефа секретной службы, диктатор поспешил его успокоить:

— Да не волнуйтесь, дружище! Найдём вам новую работу. Вот, к примеру, — он явно загорелся какой-то идеей, — почему бы вам не заняться разведением коз? Мирное, достойное занятие... и молоко козье хорошо от печени помогает... Ну, да об этом после. Поехали дальше: значит, наш козовод... — ну, не дуйтесь, я же пошутил — берет так и — оп! — прыгает на спину министру экономики... Да, я вот еще о чем подумал. Что-то у нас с экономикой неладно: безработица, знаете... а ведь у каждого семья! Шутка ли сказать: доход-то на душу населения у нас нынче на уровне шестидесятого года... как же это, а? Нет, правда, хаос, не сказать бы хуже, и что еще обидно: стану продавать оптом и в розницу! Вы на меня, господин министр, не обижайтесь, я вам по старой дружбе так скажу: не ваше, видно, дело — экономикой управлять; подавайте, дружище, в отставку и собирайте-ка себе на покое монеты: увлекательнейшее дело... да нет, не доллары... Вот, не угодно ли взглянуть?

И с этими словами диктатор вынул из кармана злополучную монету и протянул ее министру экономики.

Но в тот самый момент, когда на все уже готовый министр принял монету из его рук, разом пропали чары, и погас начавший было вырисовываться вокруг диктаторской головы золотистый ореол, и пожухли прорезавшиеся было за диктаторскими лопатками крылья... Исчез чудакватый организатор игры в слона: перед ними вновь сидел кровавый тиран, и сухой его кулак, в котором задохнулась смятая маргаритка, тяжело и веско опустился на полированную столешницу.

Только тут приближенные перевели дух: нет, благодарение богу, кажется, не сбродил Аугусто Пиночет и сами они не лишились рассудка...

Герр Оберхоффер, баварец не только по происхождению, но, как он часто говаривал, и по призванию, большую часть времени счастливо не знал томлений духа, заложив в основу своего мироощущения четыре краеугольных камня: 1) Мюнхен — это Бавария; 2) Бавария — это Германия; 3) Германия — превыше всего и 4) главный очаг мировой культуры — это пивная «Хофбройхаус».

И лишь в редких случаях выдержка явно изменяла герру Оберхофферу. Это когда он видел карту Федеративной республики в нынешних ее границах; когда он слышал о Московском договоре 1970 года, закрепившем нерушимость этих самых границ без его, герра Оберхоффера, санкции; и когда он встречал на улицах рабочих-иммигрантов. В этих трех случаях герром овладевал беспокойный зуд, но он смирял плоть, ибо, будучи добропорядочным бюргером, всегда был против неорганизованных бесчинств. Вот если бы кто организовал...

В один прекрасный день герр Оберхоффер восседал за семейным столом в окружении жены и четырех сыновей разной степени зрелости: Германа-Адольфа, Дитера-Адольфа, Пауля-Адольфа и, наконец, Эрнста-Адольфа, подкрепляя физические и патристические кондиции сосисками с капустой. Свидетелем трапезы был сидевший в углу в клетке попугай Франц, немелодично высвистывавший «O du wunderschöner deutscher Rhein». Ничто не нарушало атмосферы благонравия и тупого самодовольства, в которой бюргерская душа герра Оберхоффера отмокала, как в радоновой ванне.

Но легкий порыв ветерка проник в комнату, качнув занавески, напоминая, что за окном царит волшебный май.

Злодейка-совесть, ты знала, что делаешь, проникая в бойницу бюргерской крепости вкрадчивым зефиром, неся чуть слышный аромат цветущих яблонь! Май — и сразу тревожные, совсем ненужные герру Оберхофферу ассоциации начали толпиться в его голове. Май — и сразу сгинул душевный покой, будто его и не было! Словно Франц-Йозеф Штраус публично выступил против «запретов на профессии». Словно в дом герра Оберхоффера бесцеремонно вошел турок и начал лопать сосиски прямо из его тарелки, заливая их пивом из личной герра Оберхоффера кружки.

И пожилой bestолковый попугай, чутко уловивший разительную перемену в хозяйском настроении, бросил на половине музыкальной фразы песенку о чудном Рейне и выдал хриплую тираду, явно переходя на вороний пронорс: «Гитлер капут!»

Тяжким шагом, словно сгибаясь под каким-то невидимым грузом, герр Оберхоффер подошел к окну и закрыл его. Но аромат яблонь еще некоторое время витал в воздухе, и бюргерская душа не сразу обрела вожделенный покой.

Говорят, потерянная совесть не бросает тяжелой своей работы, время от времени напоминая о себе тем, кто совершает три величайших преступления против совести: посягает на будущее, душит настоящее и забывает об уроках прошлого.

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»

Художники Г. и В. КАРАВАЕВЫ.

Хороший отец сразу же после развода начинает навещать своего ребенка (детей) каждый божий день. Потом — через день, потом — раз в неделю, потом — раз в месяц и наконец — раз в год. Реже чем раз в год навещать не рекомендуется, так как возникает опасность лишиться прав отцовства, и тогда уже никакие советы не помогут.

Навещая своего отпрыска, вы отнюдь не обязаны торчать с ним в комнате, или на скромном скверике, или в пригородном сосновом лесочке и беседовать там обо всем на свете. Несравненно полезнее отправиться в многолюдные места, например, на стадион, в цирк, в мюзик-холл, на праздничное гулянье. Сообразительный отец не поленился появиться на массовом мероприятии задолго до его начала или, наоборот, после окончания и, заботливо сжимая в своей ладони детскую ручонку, будет пробиваться навстречу человеческому потоку — тогда картина его отцовской любви не минует никого! А если вы хотите достигнуть самой вершины эффекта, то несите в другой руке ранец сына (не знаю, почему, но ранец в отцовской руке действует сильнее, чем слезоточивая бомба). Один такой поход даст вашей отцовской репутации больше, чем 345 скромных занятий с сыном или дочерью за посменным столом или 690 прогулок в сосновом лесу, далеко от посторонних глаз.

О каждом визите к своему ребенку вы должны скромно и оперативно проинформировать всех сослуживцев и знакомых. Только, разумеется, не следует широковещательно объявлять: «Угадайте, где я вчера был! Ну?! Да у своего родного ребенка!» Сообщать об этом надо как бы нехотя, под давлением обстоятельств, невзначай: «Ах, сколько можно болтать о пустяках?... Вот мы с сыном вчера поговорили так поговорили — откровенно, интересно, по-

Витауте ЖИЛИНСКАЙТЕ

Советы разведенным мужьям

мужски...», или «Мрачным выгляжу?.. Нет, просто несколько огорчен. Вчера слишком строго обошелся с сыном, но не могу же я сквозь пальцы смотреть, как ему все разрешается», или: «Товарищи, если кто-нибудь услышит, что продается трехколесный велосипед, дайте мне знать! А то я вчера пообещал сыну купить, а в магазинах нет. Купить надо обязательно — нельзя же нарушать данное ребенку слово, хоть ты что. Правильно я говорю, а?» Если после некоторых возлияний вы явились на работу с опухшим лицом, да еще и опоздали, то нет ничего лучше, чем: «Не спорю... виноват. Вчера был у своего... Обнял меня сынок на прощание, не отпускает. Просит с собой взять. Прямо от сердца отрывал. Виноват. Оставалось одно из двух: или с ума сойти, или... Теперь наказывайте...»

Если уж так случилось, что вы вдруг взяли да купили своему ребенку подарок — пусть даже ведро для песка или пластмассовую рыбку с вращающимися глазами, — покупку необходимо притащить на работу, положить на стол, верстак или кульман и игриво поднимать ее, вертеть в руках, подбрасывать... Как маленький пенек способен опрокинуть большую телегу, так дешевая игрушка может оповестить мир о безграничной отцовской любви и заботе...

Если дверь бывшего семейного очага откроет вам верзила, которому — о неудержимый бег времени! — вы и несете в подарок ту пластмассовую рыбку, то не следует удивленно самому вращать глазами. Подарите наследнику это ведро или эту рыбку, заговорщицки подмигните и шепните: «Ему... будущему внуку. Я уж слышал, слышал...» — и вы завоеуете остывшее сердце ребенка на долгое время. Ибо какой соплик не рвется ныне создать семью и какая мама не противится этому изо всех сил?

На вечеринке, когда компания уже изрядно разогрелась и все выдали свои тосты, встаньте с бокалом и вы. Сосредоточьтесь. Помолчите. На какой-то момент прикройте глаза. И очень медленно, глухо проговорите: «Этот бокал я поднимаю за своего сына. Иначе не могу. Извините...» И опуститесь тяжело, будто зад у вас налит свинцом. А когда сидящие за столом женщины, глядя на ваше побледневшее одухотворенное лицо, зальются слезами, не забудьте и сами часто-часто заморгать и завести короткую благопристойную беседу со старшей дамой застолья и образцовой матерью. Не промахнетесь.

Если ваш сын (дочь) идет по дурной дорожке, всегда имейте при себе набор таких причитаний: «Я же черным по белому писал и носил ей (бывшей же-

не.— В. Ж.) весь распорядок дня ребенка... Вырезал из журналов статьи известных педагогов... Сто раз предупреждал ее, чем это может кончиться... Боже, чего только я не делал! Но что мог я один против всей ее родни? Специально все наоборот делала!..»

Ну, а если сын (дочь) славится трудолюбием, способностями, успехами? Тогда не суетитесь, не превозносите свои заслуги, а очень сдержанно проговорите: «Пожалуй, большего я дать ему (ей) не мог» или: «Не говорю, что это исключительно моя заслуга, но все же... все же!»

Если во время своего ежегодного визита вы уже совсем не находите, о чем поговорить с ребенком, — не сдавайтесь, не дезертируйте. Лучше сводите его в кино — вот вам уже два часа общения. Можно пойти в гости в семью, где есть дети, — пусть себе играет, пока вы режете в карты или смотрите телевизор: наберется часов пять общения. Можно взять его с собой на рыбалку: пусть копает червей, распутывает леску, обучается молчаливому и требующему долготерпения ремеслу рыболова. Можно привести его в гараж: пусть видит, сколько внимания, времени, заботы и даже любви требует автомобиль. Просто удивительно, какие возможности для общения с ребенком предлагает ныне отцам наш атомный век и в какой ничтожной мере используют они их.

Не пожалейте и пожертвуйте одно отделение бумажника под фотографии ребенка. Если научитесь вытаскивать и показывать их в самый подходящий момент — с вами не сравняется даже такой папаша, который отдает детям весь бумажник, ежедневно не упускает их из виду и поэтому не носит с собой их фотографий; у такого совсем нечего показать людям и нечего сказать о своем отпрыске в нужный момент.

Перевод с литовского Г. ГЕРАСИМОВА.

— Как ты смел, не добежав до моего кабинета, на весь институт кричать «Эврика!»?

Рисунок Б. САВКОВА.

По Тому же поводу ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ!! (Книга Третья)

Напомним содержание предыдущих «книг». В первой, состоящей, как и бессмертный роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», из шести частей и эпилога (№ 4, 1985 г.), рассказывалось о призывном использовании творческого наследия того же Достоевского и других писателей в алма-атинском издательстве «Мектеп». С щедрой руки директора Ш. Есмурзаева романы классиков «составлялись», словно сборники рассказов, за что работники издательства получали увесистые гонорары. Пышно процветала в «Мектепе» и практика присвоения государственных средств под видом фиктивного оформления на работу, редактирования и рецензирования. Говорилось в первой книге и о травле главбуха издательства В. Стопачевой, рискнувшей предать эти нарушения огласке. Директор даже издал незаконный (и потому вскоре отмененный) приказ о переводе главбуха в другое издательство.

Читатели «Крокодила» были единодушно возмущены издательскими махинациями, творимыми при попустительстве Госкомиздата КазССР. «Как же так?—удивился Д. Запунный из Липецкой области.—Хищения в размере 50 рублей у нас наказываются уголовно, а издательские кассы, значит, можно вскрывать безнаказанно, были бы добрые отношения с руководством?» «Да, людей, подобных Ш. Есмурзаеву, держать на руководящей работе небезопасно,—согласился А. Семенов из Донецка.—Слишком большой моральный и материальный урон несет от таких руководителей государство».

Немало откликов пришло и из самой Алма-Аты. Участник войны Т. Муқанов заметил, что описанная в четвертой части травля работника издательства, рискнувшего покритиковать руководство,—дело обычное. За пятнадцать лет работы в алма-атинских издательствах «Мектеп» и «Жазушы» его самого четырежды пытались уволить за критику. Ветеран войны Х. Сейткемелев сообщил, что еще в 1983 году он безуспешно пытался обратить внимание Казахского госкомиздата на описанную в эпилоге практику многократного

переиздания руководителями издательств своих малопопулярных у читателей произведений. Сходные случаи переиздания никому не нужных стихов, повестей и романов привели и другие алмаатинцы. А литератор С. Кожаназаров из Джамбулской области написал нам, что разобравшись в делишках упомянутых в первой книге А. Жумабаева и К. Жумағалиева он безуспешно призывал со страниц газеты «Учитель Казахстана» еще в 1983 году.

И вот официальный ответ. Подписавший его председатель Госкомиздата КазССР Ш. Елеуенков сообщил, что критика признана справедливой, коллегией Госкомиздата КазССР принято решение «О серьезных недостатках в работе издательства «Мектеп», и его директор Ш. Есмурзаев от должности освобожден. Эта часть ответа редакцию удовлетворила. Поразило в ответе другое: под предлогом укрепления руководства Госкомиздат КазССР уволил и В. Стопачеву. Странным образом главбуху вменили те самые издательские махинации, против которых она упорно выступала.

Конечно же, удивленный этим решением спецкор Крокодила В. Гречанинов немедленно вылетел в Алма-Ату, и вскоре (№ 16, 1985 г.) появилась вторая одноименная «книга» с подзаголовком «Мстись». Ибо только этим некрасивым чувством можно объяснить увольнение безвинного главбуха.

«Мы глубоко возмущены действиями Госкомиздата КазССР и издательством над честным человеком!»—так начинались отклики ветерана войны из Минска Г. Левтеева и многих других, обеспокоенных судьбой главбуха читателей.

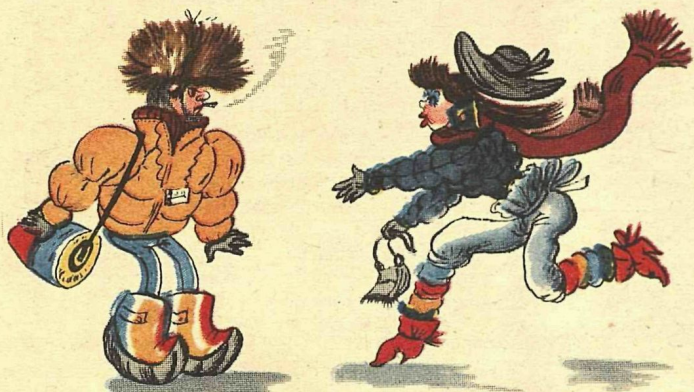
Сообщаем: вскоре после повторного выступления «Крокодила» В. Стопачева была восстановлена в должности. Компенсация за вынужденный прогул ей выплачена.

Об этом редакции сообщили зам. начальника управления Госкомиздата СССР Н. Кузнецов и председатель Госкомиздата КазССР Ш. Елеуенков. А заместитель начальника УВД Алма-Аты К. Нурмағамбетов информировал о том, что лица, незаконно получившие в издательстве денежные средства, возместили государству нанесенный ущерб. По представлению УВД Казахский госкомиздат издал директивное указание, упорядочивающее оплату редактирования, рецензирования, составительства и других договорных работ.

Упорядочены договорные работы и приказом Госкомиздата СССР. В общем, нет у редакции ясности только в одном: кто же понес НАКАЗАНИЕ за незаконное увольнение В. Стопачевой? Председатель Госкомиздата КазССР Ш. Елеуенков признал, что наказания не понес никто. Решение, мол, было принято коллегиально, а значит, конкретного виновника нет и быть не может.

В общем, логично. И все же, посоветавшись, в редакции приняли такое, тоже коллегиальное, решение: озаглавить эту третью «книгу» «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» без всяких многоточий возможным пока не представляется.

КРОКОДИЛЫШКИ

— Наконец-то я встретила единомышленника!

Рисунок Р. ДРУКМАН.

Рисунок Р. САМОЙЛОВА.

Рисунки Н. БЕЛЕВЦЕВА, г. Белгород.

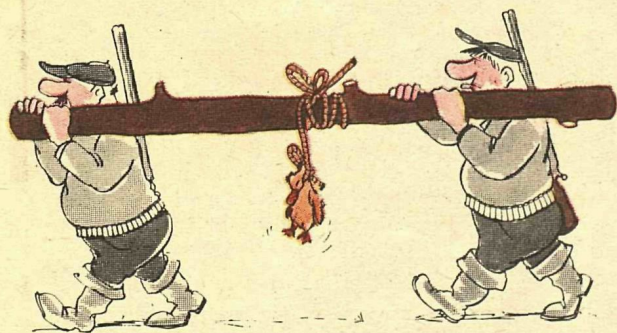

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

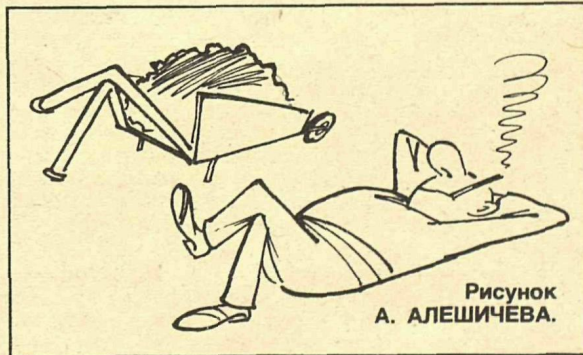
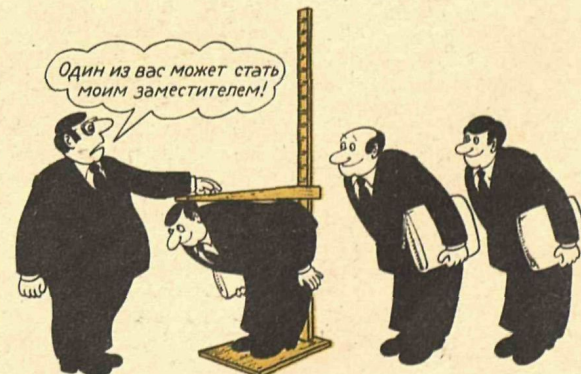

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

Один из вас может стать моим заместителем!

МИМОХОДОМ

Металл в голосе редко бывает благородным.
В. КОНЯХИН, Москва.

Окладоискатель.

С. МАРКОВ, Москва.

Футбольная команда не имела своего лица, поэтому обходилась без очков.

Поэт свою томную лирику сумел сделать многотомной.

А. БАВЫКИН, г. Мурманск.

Добряки—это те люди, которые еще не делали нам зла.

А. ЩУРОВ, г. Одесса.

«Летом этого года было создано семь лагерей труда и отдыха (ЛТО). В них трудились и отдыхали более 20 га капусты...»

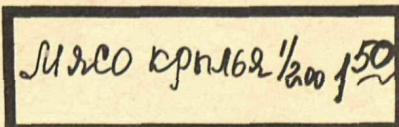
Из газеты «Новомосковская правда», Тульская область.

«Я пришла на работу нормальная и сменила в 19.45 мин., а потом пришел Сопотунов и принес бутылку белой водки, и мы с ним выпили без закуски, у меня болел зуб, и я не могла есть».

(Из объяснительной).
Прислала Н. Павлова, г. Псков.

«Чай грузинский байковий».

(Из ценника).
Прислал С. Шкатов, Свердловская область.

(Ценник крили).
Прислал В. Павленко, г. Кемерово.

ТЕЛЕЖКА ПЕРЕНОСНАЯ С СУМКОЙ ТПС

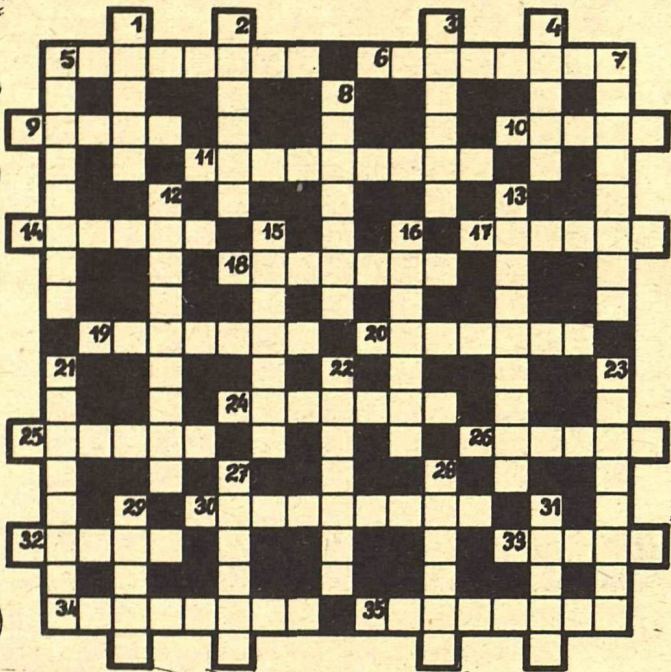
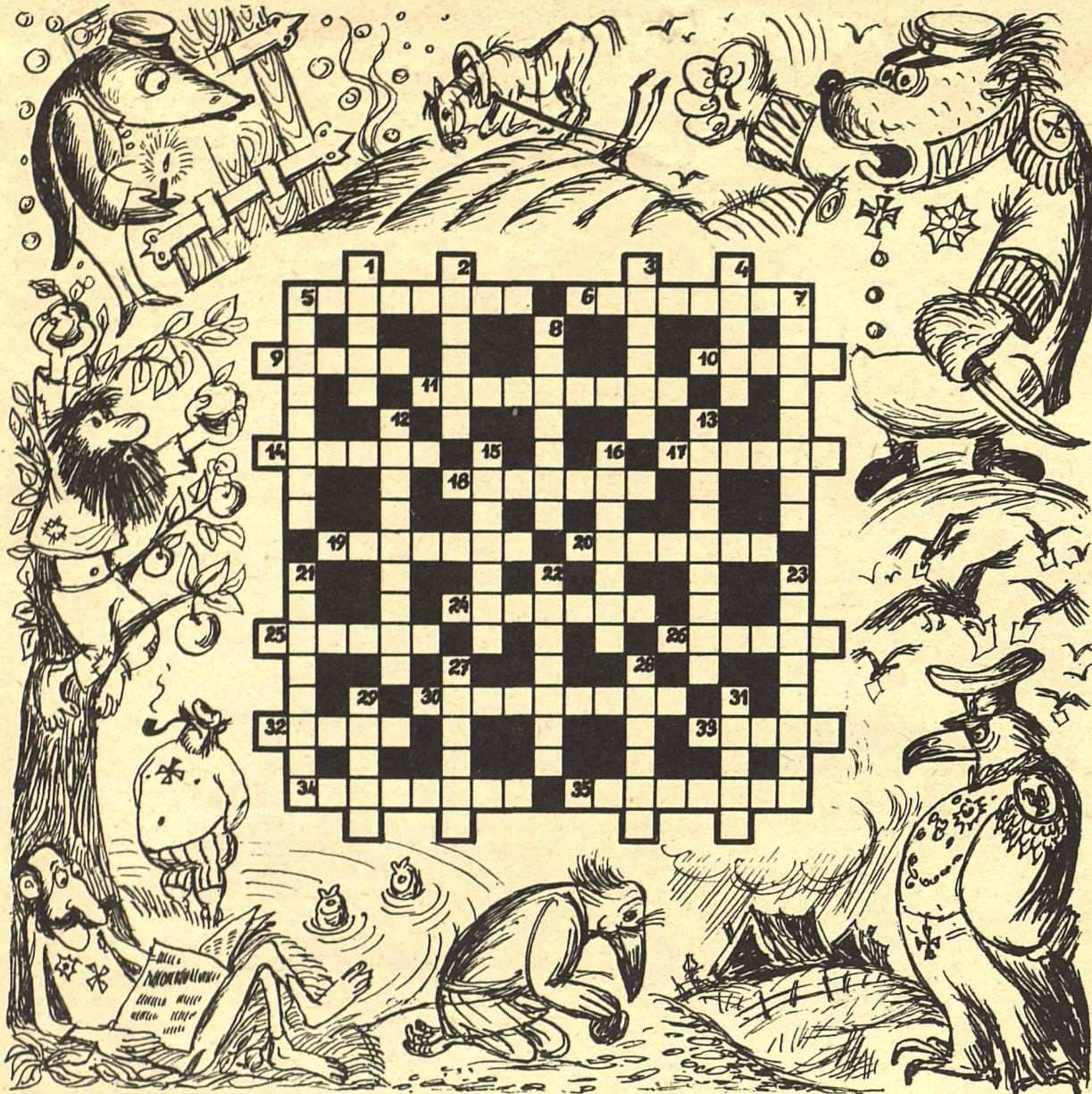
ТУ 27-07-2997-74-57-3445-83

Прейскурант № 107-02-КГ/204

Цена - 15 кг.

Артикул КГ-107-304

Прислал Р. Зубрилов,
г. Бровары Киевской области.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Прежде у чиновника-то чугунная ... была: как сел на место в десять часов утра, так и не встает до четырех—все служит!» («Вяленая вобла»). 6. «Пыльный мужичий ... узкой лентой от деревни до деревни бежит». («Коняга»). 9. «А под конец стали говорить: вали в «...» рыбу—будет «уха»!» («Премудрый пескарь»). 10. «Потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку—и извлек ...». («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»). 11. «Как есть во всей форме ... Сам ценностей не производил, но о распределении богатств очень благородно мыслил». («Соседи»). 14. «Поймал его ... еще махонького и всему солдатскому обиходу выучил». («Здравомысленный заяц»). 17. «—Слышала я,—молвила щука,—что очень ты, карась, умен и разглагольствовать ...». («Карась-идеалист»). 18. «Стук топора гулким эхом раздавался в глубинах лесных, нарушая обычное ... жизни зверей и птиц». («Ворон-челобитчик»). 19. «Облапил ... бревна и заревел». («Медведь на воеводстве»). 20. «Тогда зашел ... и сразу же осрамился». («Орел-меценат»). 24. «Скотинка на ... выйдет—помещик кричит: моя вода!» («Дикий помещик»). 25. «Раскладывает он «дамский ...» и думает: ежели срядя три раза выйдет, стало быть, надо не взирать». («Дикий помещик»). 26. «Вечером, еще не успело солнышко сесть, как карась в третий раз явился к щуке на ...». («Карась-идеалист»). 30. «Видел купец ... Трезоркину услугу и говорил: цены этому псу нет!» («Верный Трезор»). 32. «А хочешь, я тебе за этот самый вопрос иголкой ... прокалю?» («Карась-идеалист»). 33. «Был он пескарь просвещенный, умеренно-либеральный, и очень твердо понимал, что ... прожить—не то, что мутовку облизать». («Премудрый пескарь»). 34. «... де сиянз принялась издавать словарь и одолела половину буквы А». («Орел-меценат»). 35. «Словом сказать, сделала все, что было в ее власти, и, наконец, захватила ..., сказав: это на всякий случай!» («Деревенский пожар»).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «... был скромный ученый и вел строго уединенную жизнь». («Орел-меценат»). 2. «Там устраивался, на чижиков счет, веселый ...». («Чижиково горе»). 3. «Стали искать, где ... и где запад». («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»). 4. «Почему для всех других земных тварей жизнь—..., а для него она—проклятие и позор?» («Бедный волк»). 5. «... хуже воровства, говорят». («Карась-идеалист»). 7. «Без конца заяц умную свою ... разводил». («Здравомысленный заяц»). 8. «Только видит, что в доме у помещика пусто, и ставить театр, и ... поднимать некому». («Дикий помещик»). 12. «А щука возьмет да и скажет, за то, что ты мне, карась, самую сущую правду сказал, жалую тебя этой заводью; будь ты над нею ...!» («Карась-идеалист»). 13. «Послушался его актер ...; сам приехал и актерок привез». («Дикий помещик»). 15. «Пришел ..., руки-то целый день намахал, так поневоле ешь запросишь». («Путем-дорогою»). 16. «Именно к ней, к невесте своей, он и бежал в ту минуту, как волк его за ... ухватил». («Самоотверженный заяц»). 21. «К Дуньке волостной ... увязался; не дает бабе проходу, да и вся недолга». («Путем-дорогою»). 22. «В некотором селе жили два соседа: Иван ... да Иван Бедный». («Соседи»). 23. «—Тогда надо ... распубликовать: лучше, дескать, совсем законов не издавать, ежели оные не исполнять». («Карась-идеалист»). 27. «Затем осмотрели и избу—и там все налицо, только с крыши местами ... повывергана». («Соседи»). 28. «В третьем месте ... проявилась—надо было целую карантинную цепь верст на сто обогнуть». («Самоотверженный заяц»). 29. «Случится в городе ...—он первый идет в огонь». («Дурак»). 31. «Потом из собственных волос сделал ... и поймал рябчика». («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»).

Составил В. ШЕНДРИК.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Рюмка. 4. Парик. 6. Кефир. 7. Река. 8. Небо. 9. Ушко. 10. Лопух. 12. Сени. 13. Искра. 14. Оклад. 15. Осел. 16. Друг. 17. Хвост. 20. Опек. 23. Азарт. 26. Посох. 27. Книга. 29. Загар. 31. Оперетта. 32. Гост. 33. Аэропорт. 34. Баба. 35. Тодес. 36. Кассета.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Красота. 2. Радио. 3. Анекдот. 4. Понидло. 5. Кувада. 6. Коллега. 11. Халат. 18. Вето. 19. Сено. 21. План. 22. Круг. 24. Зима. 25. Роца. 26. Площадь. 27. Квартет. 28. Автобус. 29. Затрата. 30. Рассвет.

Слова, слова...

Мало гореть на работе, надо еще давать жару подчиненным.

Мудрость философов Огненной Земли.

Фрукты любят, чтобы им оказывали холодный прием.

Летний афоризм гренландских овощегаготовителей.

Джеймс БОРЕН, США

СТРАТЕГИЯ БЮРОКРАТА

Обычным лодырем может быть каждый, но сколько мастерства и усилий нужно для того, чтобы быть удачливым бюрократом! Когда лентяй ничего не делает, это сразу видно. Он настолько явно бьет баклуши, что сразу выдает свое бесхитрое стремление работать как можно меньше. Бюрократ на самом деле стремится к той же цели, то есть минимальной нагрузке, но он умеет создать о себе мнение как о великом труженике. Он доводит до максимума видимость работы и сводит к минимуму работу как таковую. Он серьезен и вдумчив. Он умеет говорить авторитетно и со значением. Все его время заполнено внешне вполне осмысленной деятельностью. Он занимается тем, что я называю «динамическим бездействием».

К тому времени, как я сформулировал этот термин, я уже успел прошагать по нескольким ступенькам бюрократической карьеры. И вот однажды в марте 1968 года мне довелось присутствовать в конференц-зале шестого этажа здания Государственного департамента США во время еженедельной встречи сотрудников. Помню, в тот раз она проходила под председательством заместителя госсекретаря по межамериканским отношениям.

Тянулася навязывая в зубах рутину. Каждый из сидевших вокруг необъятного стола людей по очереди вставал и докладывал о тех проблемах (реальных или воображаемых), которые возникли за неделю, и о том, что нужно сделать для их решения. Все было как обычно: шуршание блокнотов и монотонный, бубнящий звук голосов ораторов. Но вдруг я заметил то, чего не замечал никогда прежде.

Мои коллеги выдвигали вполне разумные предложения и строили планы вполне конкретных действий, и тут же сами полностью лишали их всякой жизнеспособности при помощи всевозможных «но», «однако», «в то же время» и пр. «Это же просто фантастика!—мысленно воскликнул я.—Ничего не делать, но бездельничать с изяществом!»

С тех пор я непрерывно делал небольшие открытия по части бюрократической мимикрии. К примеру, новичок, который ни уха ни рыла не смыслил в тонкостях бюрократического словоблудия, изъясняется примерно так: «Наша цель—в течение двенадцати месяцев увеличить прибыль на двадцать пять процентов».

Это непростительно! Цель объявлена слишком ясно и легко измерима математически. Совершенно не оставлено возможности манипулировать временем по своему усмотрению (сказано же—двена-

В Париже во время большого затора на Елисейских полях пешеход стучит в окно автомобиля:

— Мадемуазель, откройте, пожалуйста, дверцу. Я хочу перейти на другую сторону улицы.

Зайдя на кухню, хозяйка обнаружила в посудном шкафу мужчину.

— Что это значит, Люси? — возмущенно спросила она свою новую кухарку. — Понятия не имею. Видно, он остался от моей предшественницы.

Утром встречаются два соседа. Один говорит:

— Я слышал, что вчера твоя супруга что-то больно расшумелась!

— Да, она разозлилась на собаку.

— Бедная собачка! Твоя жена даже грозилась отобрать у нее ключ от входной двери!

дцать месяцев). От цифры двадцать пять тоже никуда не денешься.

Опытный бюрократ формулирует совершенно иначе. «Мы ставим своей ориентировочной задачей, — скажет он, — в пределах ежегодного цикла экономического планирования, приведенного в соответствие с возможными побочными факторами, довести нижний параметр графика прибыльности нашей фирмы до здорового уровня роста на одну четверть в сравнении с предшествующим циклом при сопоставимых курсах валют и конъюнктуре рынка». Сказано, по сути, то же самое, но сколько простора для маневра!

В чем же суть и повседневные проявления динамического бездействия? Как придать стиль и изящество безделью?

Простейший способ — хорошо спланированная серия телефонных звонков, которая наполнит офис звуками кипучей деятельности. Или же искусственно поддерживаемый поток бумаг, циркулирующих от стола к столу по замкнутому кругу. Хорошие результаты дают также частые энергичные пробежки быстрым шагом и с озабоченным видом по коридорам и кабинетам.

Есть, кроме того, чуть более сложные, но зато гораздо более эффективные методы. Скажем, во время делового завтрака вас могут срочно вызвать к телефону: «Вашингтон на проводе!» — или принести на подпись неотложные бумаги. Причем лучше, чтобы это не были просто чистые листы, ведь у кого-нибудь из сидящих за вашим столом может оказаться чересчур острое зрение, и все пойдет прахом.

Накладные расходы невелики, но подобные мелочи создают вокруг вашего чела нимб трудолюбия и незаменимости, что обеспечит если не быстрое продвижение по службе, то по крайней мере спокойную жизнь.

Кроме того, следует избавиться от столь свойственного начинающим бюрократам страха совершить ошибку. Запомните: если вы сделали ошибку, но упорствуете в ней и сумеете выгодно подать ее руководству, она может стать поворотным моментом всей политики вашей фирмы. Если же ошибка явно не собирается превращаться в новую линию учреждения, при котором вы динамично бездействуете, следует своевременно уничтожить все следы, обозначающие вашу личную причастность к ее совершению. Внимательно просмотрите папки с документами. Изымите и сожгите те их них, которые могут быть истолкованы вам во вред. Ну, а если у вас рука не поднимается поднести зажигалку к официальным бумагам, скрепленным подписями и печатями, вам остается всего лишь перепутать их, переместив из одних папок в другие. В достаточно крупных учреждениях вроде госдепартамента хорошая путаница дает результаты, ни в чем не уступающие последствиям большого пожара.

Перевел И. МОНИЧЕВ.

На первый взгляд

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНА И БОЛЬШАЯ ДОСАДА

Название фильма Литовской киностудии «Моя маленькая жена» (автор сценария Р. Шавялис, режиссер Р. Банионис) как бы заблаговременно предупреждает зрителя, что будет что-то очень личное, возможно, интимное, вероятно, семейное, предположительно — чувства и определенно — любовь. Естественно, всего обещанного начинаешь ждать с самого начала от молодых людей, которые знакомятся в кафе и с которыми в этом же кафе знакомятся зритель.

Что касается любви, то с ней, оказывается, все благополучно: она возникает с первого взгляда и длится до конца фильма. Кто в кого влюбляется, правда, не совсем понятно. В том смысле, что мы так и не узнаем, кто они, эти молодые, чем живут, чего хотят. Героиня поначалу представляется дочкой профессора. Герой ее любит. Потом выясняется, что она не дочка профессора, герой все равно ее любит. Затем он попадает в ее дом, где все выглядит весьма загадочно и непонятно. — любовь и тут не покидает его. А затем она попадает в его дом и ни с того ни с сего начинает дерзить, ведет себя неестественно и странно. Вообще о странностях любви и не только любви в этом фильме можно было бы поговорить особо. Складывается впечатление, что у создателей картины такое кредо: чем странней — тем лучше. Но тогда надо признать, что вершин в этом достигнуть им не удалось: можно было бы еще накрутить, еще замесить — пошибче, почудаковатей. Недотянули!

Но вернемся к сюжету, который продолжает бурно развиваться. Поскольку жизненного материала, видимо, не хватает, фильм лепится из безжизненного. Героиня убегает из дома родителей героя. Она бежит — герой ее догоняет. (Как же иначе? Если не догонит, откуда возьмется «его маленькая жена», обещанная в заголовке?) Она от него скрывается — он ее находит. И говорит, что от него она не скроется. И тут же начинает искать место для совместного проживания. После этого начинается сногшибательная идиллия — свадьба, на которой все намечавшиеся конфликты чудесным образом разрешаются.

Однако сценарная и режиссерская мысль продолжает биться в поисках новых странностей и без видимого труда их находит: отправляет товарища главного героя в армию, сажает на пароход, неизвестно откуда и куда плывущий. На пароходе в него влюбляется одна пассажирка, но, увидя молодого человека с другой, летит за борт. Естественно, будущий солдат кидается за ней. Понятно, что для увеличения эффекта — в одежде...

Но вот и финал: любовь, семья, тишь, гладь, божья благодать, маленькая жена, маленький сын и большая (это, правда, уже у зрителя) досада, что его пытались увлечь надуманной историей, отняли столько времени, которое вполне можно было употребить на просмотр вдумчивого, глубокого, серьезного фильма о сложных, но реальных нравственных проблемах современной молодежи. Разве их нет и надо высасывать их из пальца?

Мих. ЛЯШЕНКО.

Как стало известно Крокодилу, некоторые читатели разгадывают его веселые кроссворды в рабочее время! Иные даже звонят в редакцию и требуют: «Срочно сообщите ответ на вопрос такой-то, а не то у нас работа всего отдела будет парализована!..» Когда количество звонков достигло изрядной цифры, у Крокодила создалось впечатление, что все эти нарушители трудовой дисциплины работают в некоем современном НИИ — здании из стекла и бетона, окна и этажи которого как бы образуют гигантский кроссворднице...

Разгадывайте на первой обложке «Крокодила» №3 КВК «Дисциплинарный», бичующий такого рода разгильдяев, лентяев, лодырей, прогульщиков и прочих служебных башибузуков.

КРОКОДИЛ

№ 2 (2516)
январь

Зам. главного редактора
А. Е. ВИХРЕВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,

А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ,
В. Г. МОЧАЛОВ

(художественный редактор),

В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),

Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМИРНОВ,
А. А. СУКОЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, Н. Беловцев, М. Вайсборд, Р. Друкман, Г. Ломидзе, И. Новиков, В. Полухин, А. Помазков, Р. Самойлов, В. Сафонов.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Наш адрес:
101455, ГСП, МОСКВА,
А-137,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14.

Телефоны:
250-10-86; 212-21-73.

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Сдано в набор 10.12.85.
Подписано к печати 17.12.85.
А 04685.
Формат бумаги 70 × 108¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54. Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5300000 экз.
(1-й завод: 1—3150758)
Изд. № 77 Зак. № 2056.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил», 1986 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Задолженность стран Латинской Америки западным банкам-кредиторам достигла 360 миллиардов долларов. Эти займы, ссужаемые под ростовщические проценты, приводят к закабалению и разорению должников, что вызывает справедливое негодование латиноамериканцев.

